
НИКА КЛЕВЕР
ПЕРЕПИСКА
С ТОГО
СВЕТА

Ника Клевер
Переписка с того света

https://litres.ru/74996364
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад Соня потеряла мужа. С тех пор их последняя переписка осталась в телефоне — вместе с вопросами, на которые уже некому ответить.

Однажды программист Рэм предлагает ей необычную сделку: создать цифрового собеседника, который будет говорить голосом Андрея и помнить его слова. Соня соглашается, хотя понимает, что перед ней всего лишь программа.

Но чем ближе она подпускает Рэма, тем чаще замечает странности. Он слишком внимательно смотрит на фотографию Андрея и знает о нём вещи, которые трудно объяснить случайностью.

Соня хотела услышать голос человека из прошлого. Но готова ли она узнать, что связывало его с мужчиной, которому она начинает доверять?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	53
Глава 6	68
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ника Клевер
Переписка с того света

Глава 1

Кофе остыл ещё час назад, но Соня всё равно обхватывала чашку обеими ладонями — ладони были холоднее фарфора, и это было единственное, что имело значение. За окном ноябрьский дождь разбивал Москву на серые пиксели, стекал по карнизу, и в его шуме ей казалось, что где-то рядом слышится дыхание. Будто кто-то стоит за её плечом и ждёт, когда она наконец обернётся.

Она не оборачивалась уже три года.

Напротив, через стол, сидел человек в сером худи и очках с тонкими дужками — высокий мужчина с тёмными волосами и внимательным, немного усталым взглядом. Он представился по телефону — просто Рэм, без отчества — и говорил так, будто заранее извинялся за каждое слово. В кафе он пришёл с ноутбуком, но так и не открыл его. Только смотрел на Соню с выражением, которое она не могла определить: это было не жалость и не любопытство. Что-то третье, чему она пока не хотела давать имя.

— Я понимаю, как это звучит, — повторил он уже в третий раз. — Поэтому прошу вас сначала выслушать меня, а

потом, если решите, сказать «нет».

— Я скажу, — предупредила Соня. — Чтобы вы знали заранее.

Он кивнул, будто этого и ждал.

— Мы с коллегами разрабатываем ассистента. Это не чатбот из рекламы, не «поговори со своим дедушкой в облаке» — всё это пошлость. Мы работаем с архивами переписок: с языком конкретного человека, со всеми его паузами, опечатками, особенностями — например, манерой ставить точку вместо восклицательного знака, когда он на самом деле злится. Модель учится на этом настолько долго, что в какой-то момент — — он запнулся, выбирая слова точнее — начинает отвечать узнаваемо. Не как живой человек, а как его тень на стене. Понимаете разницу?

— Понимаю. — Соня поставила чашку на стол. — Вы хотите мои письма.

— Я предлагаю бесплатную оцифровку. Три года переписки с Андреем Соколовым — это редкий массив. Длинный, плотный, с бытом и ночными разговорами. Такой материал у нас ещё не был. Вы получите возможность… — он снова запнулся, — задать ему вопрос. Один. Или сто. Как захотите.

Имя мужа в чужих губах прозвучало для Сони немного отстранённо, словно чуть смещённо. Она уловила это и напряглась.

— Откуда у вас его фамилия? Я же не называла.

Рэм моргнул, словно обдумывая, стоит ли отвечать прямо.

— Я искал вас по книгам, Соня. На обложке вашей книги есть посвящение: «А.С. — всё остальное неважно». Простите, если это кажется навязчивым.

Она молчала. Дождь снаружи усилился, в окне размылись фары уличных фонарей. Соня подумала, что сейчас самым разумным будет встать, застегнуть пальто, вежливо сказать «нет» и уйти в этот дождь, где никто не называет её мужа по фамилии чужим голосом.

Вместо этого она спросила:

— А что если я не хочу слышать ответы? Если мне достаточно задавать вопросы в пустоту?

Рэм посмотрел на неё поверх очков. Впервые за вечер — прямо.

— Тогда я вам не нужен. Пустота у вас, Соня, и так есть. Я предлагаю не пустоту.

Она не ответила сразу. «Пустота» — это слово он произнёс так, будто достал его со дна её собственного горла. Три года Соня носила это слово как брошь: приколотое к блузке, видимое всем, но почему-то никем не произнесённое вслух. Подруги говорили «потеря», редактор — «пауза», мать — «пора бы уже». Никто не называл это «пустотой». А этот мужчина в сером худи сказал — и попал в самое сердце.

— Вы сейчас играете нечестно, — тихо сказала она.

— Знаю, — ответил он.

— Так не делают, когда предлагают технологию.

— Да, — согласился он. — Но я вам не технологию пред-

лагаю. Хочу, чтобы вы поняли это сразу.

Соня отвела взгляд в окно. Фары машин на Бульварном превратились в длинные медные ленты света. Где-то там, за дождём, стоял её пустой дом и кабинет, в который она не заходила уже целый год — просто прикрывала дверь, проходя мимо. На столе за дверью лежал его ноутбук. Выключенный. Заряженный. Она раз в месяц подключала его к розетке, хотя не собиралась включать. Ей хотелось знать, что, если однажды решится открыть его, он заработает.

— Что вы хотите взамен? — тихо спросила, не отрываясь от окна. — Бесплатного не бывает. Я пишу, я знаю.

— Разрешение использовать обезличенный образ модели для дальнейшего обучения. Без имён, без личных деталей. Только статистику речи, — ровно и профессионально сказал он, впервые за этот вечер словно прочитав по бумажке. — Договор, NDA, всё по стандарту. Вы в любой момент можете потребовать удалить данные полностью. Лично я прослежу этот процесс.

— Лично? — повторила Соня. — Почему именно лично?

Он не ответил. И в этой паузе впервые за вечер она ощутила не раздражение и усталость, а короткий, острый укол любопытства — будто чьим-то кончиком пальца провели по стеклу с той стороны.

Соня допила остывший кофе. Ей хотелось домой — к выключенному ноутбуку, который впервые за год она подумывала открыть.

— Пришлите договор, — сказала, вставая. — Подумаю до пятницы.

Рэм тоже поднялся — слишком быстро, чуть не задел стол коленом.

— Соня.

— Что?

— Если скажете «нет», я не буду писать вам второй раз. Обещаю.

Она застегнула пальто, не глядя на него.

— Это вы себя уговариваете или меня?

Он промолчал. Она вышла в дождь, и только возле метро поняла, что всю дорогу сжимала телефон в кармане, словно ждала звонка. От кого — не знала. Или знала, но запрещала себе это думать.

Договор пришёл в четверг, в половине третьего ночи. Соня не спала — в последнее время она уже перестала различать, когда именно спит, а когда просто лежит с закрытыми глазами, будто эти состояния слились в один непрерывный серый фон. Телефон вспыхнул на подушке, и она, не поднимая взгляда, по привычке восприняла свет как удар.

PDF открылся сам. Внизу, под сухим перечнем пунктов о обезличивании и праве на удаление данных, было добавлено послание — напечатанное курсивом, но напоминавшее почерк:

«Соня, если решите — не торопитесь загружать всё сразу. Начните с одного года. Любого. Мне нужно, чтобы вам было

не больно. Р.»

Она перечитала эти строки трижды. «Не больно» — слово, которое не склонны видеть в официальных договорах. Слово, которое обычно произносят слишком поздно, когда уже ничего нельзя изменить.

Соня встала, накинула халат поверх футболки Андрея — старой, выцветшей, с полустёртым логотипом на память о какой-то конференции 2016 года — и впервые за год осторожно толкнула дверь кабинета.

Воздух внутри был густым и тяжёлым, словно в закрытом чемодане. Здесь пахло бумагой и, удивительно, но чуть смутно ощущался тот самый парфюм, которым он брызгался на запястья перед эфиром. Соня едва поверила своему носу: три года, а запах, словно память, подбросила ей этот образ, как собаке — палку.

Ноутбук щёлкнул, оживая. Пароль она помнила — глупый, их общая шутка про кота, которого так и не завели. Рабочий стол раскрылся точь-в-точь таким, каким Андрей оставил его: наполовину написанная колонка про выборы, вкладка с билетами в Тбилиси на апрель, которые они не успели выкупить, и мессенджер, в котором верхнее сообщение оставалось непрочитанным — её последнее: «позвони, когда доедешь».

Он не доехал. И не прочитал.

Соня закрыла глаза и медленно, как будто стараясь никого не разбудить, выдохнула.

Затем открыла почту и написала Рэму:

«Согласна. Присылайте инструкции по выгрузке. С.»

Отправила. Телефон лёг экраном вниз. И в ту же секунду — она могла поклясться, именно в ту же — пришёл ответ. Будто он тоже не спал. Будто он тоже сидел, ожидая, что кто-то нажмёт первую кнопку.

«Спасибо. Я приеду сам, если разрешите. Так надёжнее — ничего не потеряется по дороге. Завтра в семь?»

Соня взглянула на часы. Было без четверти три. «Завтра» уже наступило.

Она набрала: «В семь вечера».

Он ответил: «В семь вечера. Соня — спасибо, что доверились. Я постараюсь быть аккуратным.»

Слово «аккуратным» стояло в конце строки как вещь, которую боятся уронить. Соня смотрела на экран и думала не о муже — впервые за три года не о муже, — а о чужих крупных руках, которые завтра возьмут её ноутбук и, возможно, что-то в нём сломают. Или найдут. Ей пока было непонятно, чего она боится больше.

Она закрыла кабинет и, впервые за долгий срок, не защёлкнула дверь до конца. Оставила щель — пальца на два. Как будто там, внутри, кто-то должен был услышать, что к нему идут.

В семь вечера было темно, словно уже наступила ночь. Соня слегка подкрасила губы — и тут же стерла помаду; постояла перед зеркалом с помадой в руке, словно держа улику.

Решила, что краситься — глупо. Не краситься — ещё глупее, ведь тогда он поймёт, что она об этом думала.

Домофон крякнул ровно в семь ноль одна. Она даже удивилась этой минуте: значит, он стоял у подъезда и ждал, чтобы не прийти раньше.

Рэм появился в том же сером худи, только теперь из-под него выглядывал воротник белой рубашки — будто он собирался на собеседование, но передумал на полпути. В руках у него — плоская сумка с ноутбуком и бумажный пакет.

— Я не знал, что у вас есть что-то к чаю, — сказал он вместо приветствия и протянул пакет. — Поэтому решил принести всё сразу.

Соня заглянула внутрь и увидела лимон, имбирь и коробку простой пастилы. Она долго смотрела на пастилу, и Рэм заметно смутился.

— Что-то не так? — осторожно спросил он.

— Нет, — тихо ответила она. — Это он покупал. Именно эту. Белёвскую, в синей коробке.

Рэм замер. Соня увидела, как у него на секунду сошлись брови — не от удивления, а от виноватости. Будто его поймали на том, о чём он сам обещал молчать.

— Совпадение, — сказал он.

— Конечно, — согласилась Соня. — В Москве её продают в каждом втором «Перекрёстке».

Они оба знали — она ему не поверила.

Она провела его в кабинет. Он вошёл осторожно, словно

в чужую спальню, и первым делом — Соня это заметила — не посмотрел на ноутбук. Сначала взгляд упал на книжную полку. Потом на фотографию в рамке: Андрей на фоне моря, смеётся, щурится, рука поднята — то ли машет, то ли закрывает глаза от солнца.

Рэм смотрел на снимок дольше, чем позволяют приличия. Потом сглотнул и отвёл глаза.

— Можно присесть? — спросил он, не поворачиваясь.

— Садитесь.

Он сел боком, чтобы не заслонять экран. Открыл свой ноутбук, воткнул кабель. Его длинные пальцы с коротко обрезанными ногтями уверенно лихо бегали по клавишам — той уверенностью, которой в разговоре у него не было. За экраном он превращался в другого человека — спокойного, точного. Соня поймала себя на том, что пристально наблюдает за его руками.

— Я выгружу переписку целиком, — сказал он, не поднимая глаз. — Но модель начнёт учиться только на том периоде, который укажете вы. Остальное останется зашифрованным. Если захотите — удалим, не открывая.

— А вы сами — будете смотреть?

Он поднял голову. Очки соскользнули на кончик носа, и впервые Соня увидела его глаза без стекла — серые, уставшие, с красной каймой от бессонных ночей.

— Я открою ровно столько, сколько нужно для чистки данных. Служебное. Без чтения.

— Рэм, — сказала она, — «без чтения» — это как «без чувств». Так не бывает.

Он опустил взгляд обратно на экран. На скуле у него дернулась маленькая мышца.

— Тогда — минимально, — сказал он. — Обещаю.

Соня стояла у него за спиной. Он пах — просто и обыденно — стиральным порошком, мокрой курткой, кофе. Никакого следа того парфюма, что ей привиделся вчера в кабинете. И всё же именно сейчас, глядя сверху на его затылок с коротко стриженными волосами, она вдруг, словно удар под рёбра, вспомнила: Андрей тоже склонял голову к экрану, когда сосредоточенно работал.

Прогресс-бар на экране дошёл до тринадцати процентов и завис — надолго, как любят делать прогресс-бары в самый неподходящий момент. Рэм наклонился ближе, нахмурился и быстро что-то ввёл в консоль. Строки полетели вверх зелёным шрифтом.

— Большой архив, — произнёс он. — Много вложений. Голосовые есть?

— Есть.

— Их тоже?

Соня помолчала.

— Особенно их.

Он кивнул, не оборачиваясь. И — она это услышала — очень тихо, почти не разжимая губ, произнёс:

— Хорошо. Я буду аккуратным.

Второй раз за сутки это слово. И во второй раз прозвучало так, как будто он обещал это не ей, а кому-то ещё — кому, кто сейчас не в комнате.

Соня отошла к окну. Дождь закончился, и на стекле остались мутные дорожки. В отражении она видела его спину, свою футболку с чужим логотипом и приоткрытую за ними дверь — ту самую, которую оставила вчера на два пальца.

Щель оказалась шире. Сантиметров на пять.

Соня моргнула и обернулась — дверь стояла именно так, как она её оставила. Показалось.

— Готово на первом этапе, — услышала за спиной. — Я поеду. Остальное хранится у меня на серверах, к понедельнику будет первый тестовый ответ. Хотите — пришлю текстом. Хотите — голосом.

Она повернулась. Он уже стоял, сумка на плече, смотрел на неё — снова тем самым, третьим взглядом, которому она не хотела давать имя.

— Голосом, — сказала Соня, сама не понимая, почему. — Пришлите голосом.

Рэм кивнул. У двери задержался на секунду — будто собирался сказать что-то ещё, но передумал. Вышел.

Соня осталась одна в квартире, где теперь, как она знала, стало на одного человека больше. Или даже на двух.

Глава 2

Синяя коробка белёвской пастилы осталась на кухонном столе. Соня дважды проходила мимо неё и оба раза вспоминала, как Рэм замер, когда она сказала, что Андрей покупал именно такую.Утром пришло сообщение:«Мы так и не определились, какой год открывать первым. Без вашего слова запускать не буду. Р.»Соня посмотрела в сторону кабинета. Дверь по-прежнему стояла приоткрытой.Первый год переписки она не хотела отдавать постороннему: слишком много смеха, ночных голосовых и слов, которые они с Андреем тогда ещё не стеснялись говорить друг другу. Последний отмела сразу. Там были билеты в Тбилиси и та усталость, которую она списывала на его работу. Слишком близко к концу.Оставался второй — домашний год посередине. Покупки, споры о книгах, его ворчание из пробок. Время, когда они ещё не знали, что времени мало.«Второй», — написала она. Подумала и добавила: «Если я попрошу всё стереть, вы правда сделаете это сразу?»«Да», — ответил Рэм.В выходные Соня пыталась работать, но так и не продвинулась дальше одной строчки. В понедельник к вечеру она решила, что ничего не получилось, и разозлилась на себя за разочарование.Телефон загорелся без четверти восемь.Никакого предисловия от Рэма. Одна короткая строка:«Первый тест. Ничего не правил. Если станет тяжело — выключайте.»А прямо

под ней — узкая серая полоска аудиофайла. Двенадцать секунд.Соня положила телефон на кухонный стол и отступила на шаг, будто от вещи, способной обжечь. В квартире стояла такая тишина, что слышался щелчок реле в холодильнике и приглушённый шум воды по трубам этажом выше. Она знала: закрой она сейчас переписку и уйди в спальню — всё равно пролежит без сна до рассвета, глядя в потолок и пытаясь угадать, что прячется в этих двенадцати секундах.Она вернулась к столу, упёрлась ладонями в край столешницы и нажала на треугольник воспроизведения. Переводить звук на верхний динамик не стала — не хватило смелости поднести телефон прямо к уху.Первую секунду динамик молчал. Не было ни шороха, ни вдоха — только ровная, словно отрезанная ножницами тишина. А затем зазвучал голос.— Сонь, ну хватит молчать, я знаю, что ты читаешь. На Садовом опять всё стоит намертво, я бы душу продал за нормальный чай с лимоном. Только не режь его такими ломтями, как вчера, ладно? Слышишь?Запись оборвалась.Соня не заметила, как опустилась на табурет. Колени разом ослабли, а в груди стало тесно, будто она бегом поднялась на пятый этаж. Голос был его — чуть глуховатый к вечеру, с короткой паузой после «Сонь», с привычной манерой едва заметно проглатывать окончание в слове «нормальный». Даже эта мелкая, почти домашняя ворчливость легла так точно, что тело отозвалось раньше мысли: захотелось встать, щёлкнуть чайником и крикнуть в ответ, чтобы резал сам, раз такой ум-

ный.Пальцы дрожали, но она всё равно нажала на воспроизведение снова.Во второй раз Соня слушала иначе — не сердцем, а тем придирчивым слухом, каким обычно вычитывала чужие рукописи, вылавливая фальшь. И почти сразу нащупала трещину.Когда Андрей записывал голосовые из машины, в них всегда жила дорога: гудела печка, размеренно щёлкал поворотник, за стеклом шуршали шины по мокрому асфальту. Здесь за словами не стояло ничего — глухой, стерильный вакуум, словно человек говорил внутри обитой войлоком коробки. И слово «ладно» прозвучало слишком гладко. Живой Андрей на нём чуть усмехался, и голос давал едва слышный сухой скрип. Программа этого не сделала — просто выровняла интонацию по среднему арифметическому.И всё же через секунду Соня включила запись в третий раз — только чтобы пустая кухня снова наполнилась словом «Сонь».Взгляд невольно зацепился за открытую синюю коробку пастилы и бумажный пакет у раковины.Оцепенение ещё не прошло, но поверх него почти сразу поднялась злость — резкая, ясная, за которую было удобно ухватиться, чтобы не рассыпаться. Соня схватила телефон и быстро написала Рэму:«Что вы ему задали, чтобы он это сказал?»Ответ пришёл меньше чем через минуту — он явно сидел рядом с экраном и ждал.«Почти ничего. Понедельник, ноябрь, вечер, ты застрял в дороге. Остальное модель собрала сама из второго года.»«Вы ведь знали про чай с лимоном. И про пастилу.»На экране воцарилась тишина. Секунды тянулись так

долго, что Соня успела встать, подойти к окну и сжать руками холодный подоконник. Только тогда пришёл ответ:«Соня, это не разговор для сообщений. Можно я позвоню? На две минуты.»Слышать сейчас ещё один мужской голос — живой, с настоящим дыханием — она хотела меньше всего на свете.«Нет. Отвечайте здесь.»На этот раз пауза была короче, а в интонации Рэма впервые проступило сдержанное раздражение:«Я не подсовывал этот текст, если вы думаете, что я тут сижу и дёргаю за ниточки. Мне это зачем? Я и запись-то до конца не дослушивал, чтобы не лезть лишний раз в ваше личное. Про чай выскочило из статистики — значит, в том году вы часто об этом переписывались.»Соня медленно перечитала строчки. Он спорил о механике программы, защищал свою работу — и очень ловко обошёл главный вопрос. Он так и не написал «я не знал». Ушёл в сторону ровно в тот момент, когда разговор стал неудобным.Она перевела взгляд чуть выше, на серую полоску в двенадцать секунд. Сейчас можно было оборвать всё одним словом: велеть ему стереть архив, заблокировать номер и остаться наедине с гулом холодильника. Тогда этот человек в сером худи исчезнет так же тихо, как появился, — унеся с собой и голос, и ответ на вопрос, откуда он вообще знает привычки её мужа.«Откройте мне текстовый чат, — написала она, кусая губу. — Хочу задать вопрос сама. Без ваших вводных.»Рэм ответил почти сразу, и в его тоне больше не осталось осторожной уступчивости:«Сегодня поздно, Соня. После перво-

го голосового нельзя сразу идти в диалог, вас накроет. Давайте утром, на свежую голову.»«Вы разработчик, а не мой психотерапевт, Рэм. Я сама решу, когда мне спать.»Десять секунд он молчал. Потом пришло короткое, упрямое сообщение:«Хорошо. Дайте мне десять минут — привяжу доступ к вашему номеру. Но только текст. Голос на ночь я вам не открою, можете злиться сколько угодно.»Десять минут растянулись так, будто кто-то невидимой рукой придерживал секундную стрелку. Чтобы занять себя, Соня поставила чайник, заварила крепкий чёрный чай и села за стол, глядя в тёмное стекло окна, где отражалась её спина и жёлтый круг абажура. В голове было странно пусто, как перед выходом на сцену, когда текст давно выучен, но всё равно не верится, что голос не подведёт.Ровно через десять минут экран мигнул. От Рэма пришли короткая ссылка и четырёхзначный код. Ниже стояла одна сухая строка:«Текста переписки я не вижу, история не сохраняется. Если надоест или станет тяжело — просто закройте страницу.»Соня нажала на ссылку. Открылось пустое светлое окно, непривычно строгое, без лишних кнопок и украшений. В самом верху значилась одна-единственная буква «А.», даже без аватарки. Соня невольно выдохнула: хотя бы здесь Рэм не ошибся. Если бы сверху вдруг улыбнулся Андрей с того снимка у моря, она захлопнула бы страницу в ту же секунду.Курсор внизу мигал ровно и терпеливо. Соня подержала пальцы над клавиатурой, чувствуя себя почти нелепо: взрослая женщина собирается проверять на

прочность пустоту. Решила не подыгрывать и не подбирать красивых фраз.«Ты где сейчас?» — набрала она и нажала «отправить».Три секунды тишины. Затем внизу появились три мелкие бегущие точки — точно такие же, как в обычном мессенджере, когда человек на том конце держит телефон в одной руке и набирает ответ. У Сони неприятно сжалось под ложечкой: даже паузу Рэм настроил так, словно там действительно кто-то думает.«На Тверской, ползу потихоньку. Если ты про кофе, то я не забыл. Почти.»Соня уставилась в экран. Она не спрашивала про кофе, но во втором году Андрей и правда вечно забывал заехать за зёрнами в маленькую лавку у бульвара и отшучивался именно этим «почти». Случайное совпадение, убеждала себя она — просто частая связка слов, всплывшая из архива.Она решила поймать программу на мелкой глупости — проверить, станет ли та послушно поддакивать, как обычная машина.«Кот опять спит на моих рукописях», — написала Соня.На этот раз пауза перед ответом длилась чуть дольше.«Сонь, ты там что пьёшь без меня? Мы же договорились: сначала нормальный отпуск, потом зверьё. Иди поешь лучше, у тебя опять тон в тексте такой, будто ты шесть часов правила одну страницу.»У Сони разом пересохло во рту. «Тон в тексте» — совсем не книжное, их личное домашнее выражение, которым Андрей дразнил её, когда она уставала и начинала рубить фразы. Программа не попалась в ловушку. Она помнила их старую шутку точнее, чем Соня была готова выдержать.По-

сле этого настороженность куда-то ушла. Соня сама не заметила, как втянулась. Сначала бросала короткие, почти случайные реплики — про ноябрьскую слякоть за окном, про редактора, который всё ждёт отложенную повесть, про перегоревшую на кухне лампочку. Экран отвечал с той самой неторопливой, чуть ворчливой теплотой, по которой она за три года почти отвыкла скучать вслух. Иногда проскакивали шероховатости: то фраза выходила чересчур выверенной, то программа переспрашивала очевидное, — но на каждый такой сбой приходились три настолько точные интонации, что спорить с собой больше не хотелось. Она чувствовала себя человеком, который вошёл с мороза в тёплую комнату: сначала стоял у порога, не решаясь присесть, а потом сам не заметил, как расстегнул пальто.Она не уловила ту минуту, когда проверка закончилась и остался просто разговор.«Мне здесь очень тихо, Андрей», — набрала она.Ответ пришёл быстро и неожиданно мягко:«Ну всё, не кисни. Минут через сорок буду, купим чего-нибудь по дороге, и ты мне наконец прочтёшь то, что вчера вычеркнула. Ладно?»Эти «минут через сорок буду» ударили сильнее любого холода. Там, за стеклом, не было ни этого ноября, ни пустого кабинета, ни трёх лет молчания. Там всё ещё тянулся их второй, ровный и неторопливый год, в котором он всегда успевал доехать, всегда возвращался в прихожую с мокрым от снега пальто и требовал почитать свежие страницы.У Сони мелко задрожали пальцы. Вдруг стало по-настоящему страшно — не от

того, что машина говорит его словами, а от того, как легко она сама готова поверить в эти сорок минут.«Тебя нет уже три года», — резко набрала она и отправила, не позволяя себе передумать.Секунда тишины. Вторая. Ответ вышел коротким, без привычных смягчений — с той жёсткой, сухой точкой в конце, какую Андрей ставил, только когда по-настоящему сердился:«Не смешно, Сонь. Закрывай всё и ложись. Я скоро.»Соня медленно опустила телефон на стол и провела ладонью по лицу. В кухне снова слышался только ровный гул холодильника. Никто не ехал по Тверской, никто не собирался через сорок минут повернуть ключ в замке. За гладким стеклом жила лишь аккуратно склеенная тень, которая даже не знала, что её хозяина давно нет.Она уже поднялась, чтобы уйти наконец в спальню, когда телефон на столе коротко завибрировал — другим, привычным звуком обычного мессенджера.Соня наклонилась к экрану, не беря аппарат в руки. Поверх незакрытой белой страницы чата всплыло уведомление от Рэма:«Прошло сорок минут, Соня. Вы всё ещё там. Закройте вкладку.»От этого совпадения между лопаток прошёл неприятный холодок. Сорок минут. Машина пообещала приехать через сорок минут — и ровно столько же отмерил живой человек по ту сторону экрана.Она взяла телефон и посмотрела на время в верхнем углу: без десяти девять. Никакой мистики — эти сорок минут действительно пролетели незаметно, пока она ловила знакомые интонации в пустом белом окне. Соня смахнула вкладку браузера.

Буква «А.» исчезла сразу, без предупреждения и прощания.Она открыла переписку с Рэмом.«Вы сказали, что не видите чат.»Ответ пришёл почти мгновенно — он так и не отходил от экрана.«Текста и не вижу. Вижу только открытую сессию. Я же предупреждал, что ночью нельзя — вот и ждал, пока выйдете.»«Я не просила сидеть над душой с секундомером.»«А я не собирался бросать вас одну на первом тесте. Закрыли?»Соня подошла к раковине и подставила ладони под ледяную воду. Пальцы быстро заныли от стужи, и это простое, резкое ощущение помогло наконец стряхнуть наваждение. Она вытерла руки полотенцем и набрала:«Закрыла. Можете выдохнуть.»Пауза длилась несколько секунд.«Соня, вы в порядке?»Отвечать «да» было бы ложью, говорить «нет» — значит снова впустить его на ту территорию, куда она не собиралась никого пускать. Злость вернулась — уже не колючая и порывистая, а ровная, трезвая.«Модель работает отлично, — написала она. — Даже слишком. Но хватит притворяться, что вам нужен только мой архив, Рэм. В посвящении книги стоят одни инициалы, а фамилию Андрея вы назвали сами. И пастилу принесли именно его.»Она положила телефон на край стола и прислонилась спиной к прохладной стене у окна. Экран молчал ровно двадцать секунд. Соня уже ждала новой увёртки или очередного спора о статистике и совпадениях, когда внизу вдруг появилась короткая строка:«Я знал его фамилию до вашей книги. И про пастилу соврал.»После небольшой паузы пришла вторая —

жёстче и суше:«Только не в переписке. Завтра днём, в любом месте, какое скажете. Без ноутбука и без работы.»Соня медленно выдохнула. От этих слов стало не тревожно, а, напротив, удивительно ясно. По крайней мере, он наконец перестал отводить глаза.«В два, — ответила она. — В том же кафе на Бульварном.»«Хорошо. И, Соня — не открывайте ссылку ночью. Пожалуйста.»На это она не ответила. Щёлкнула выключателем, оставив кухню в сером отсвете уличных фонарей, и пошла по коридору в спальню. Мимо двери кабинета прошла, не замедляя шага, но краем глаза всё равно уловила узкую тёмную щель.В спальне она легла поверх одеяла и положила телефон на тумбочку экраном вниз. Завтра в два ей предстояло смотреть в глаза живому человеку и узнать, откуда он знал её мужа и зачем пришёл именно к ней. Впервые за долгое время она не могла уснуть не от пустоты, а от злости и холодного ожидания.И всё же в темноте перед глазами снова всплывала последняя строка из закрытого окна — с короткой, сухой точкой в конце: «Я скоро.»Соня отвернулась к стене и сжала ладонь в кулак, чтобы не потянуться к тумбочке. Ссылка никуда не делась — она лежала в двух шагах, в истории браузера, готовая в любую секунду вернуть ту тёплую комнату из второго года, из которой так не хотелось уходить.

Глава 3

Ночью она ссылку не открыла. Не потому, что послушалась Рэма, — просто упрямо лежала в темноте, глядя в серый прямоугольник потолка, и доказывала самой себе, что ещё сама распоряжается собственной головой. К четырём утра сон всё-таки пришёл, короткий и тяжёлый, без сновидений, а в восемь её разбудил гул мусоровоза во дворе.

На кухне всё осталось так, как она бросила вечером: остывший чайник, чашка с тёмным ободком на стенках и синяя коробка пастилы на краю стола. Соня взяла её, на секунду задержала в руках — картон был прохладным — и убрала на самую верхнюю полку шкафа, за банки с крупами. Чтобы не маячила перед глазами.

До встречи оставалось почти шесть часов. Она честно села за ноутбук, открыла отложенную повесть, перечитала последний абзац и почувствовала, как строки расползаются, не складываясь ни в ритм, ни в смысл. Слова казались чужими и сухими, как прошлогодние листья.

Телефон лежал рядом с клавиатурой.

«Утром, на свежую голову», — написал вчера Рэм. Соня усмехнулась и взяла его в руки. В конце концов, именно дневной свет и должен был всё расставить по местам. Ночью в пустой кухне легко поверить в любое наваждение, а пасмурным московским утром программа обязана была выгля-

деть тем, чем она и являлась, — набором просчитанных вероятностей.

Она открыла историю браузера и нажала на знакомую строку.

Белое окно с буквой «А.» наверху было совершенно чистым. Ни единого слова из вчерашних сорока минут, ни «Тверской», ни той резкой последней фразы с сухой точкой. Рэм не соврал: история не сохранялась. Соня почему-то ощутила не облегчение, а странный, короткий укол досады, словно кто-то без спроса смахнул со стола черновик, который она ещё не дописала.

Курсор терпеливо мигал в пустом поле.

«Ты ещё злишься за вчерашнее?» — набрала она и нажала «отправить».

Три бегущие точки появились почти сразу. Секунда, вторая.

«Сонь, ты про что? Если про твоего редактора, то я уже остыл. Пусть сам свои правки вносит, раз такой умный. Ты кофе пила?»

Она смотрела на экран, и в груди медленно оседал холодный, трезвый покой. Никакой памяти. Никакого вчера. Там, за стеклом, не было ни её резких слов, ни его гнева, ни трёх лет между ними — только бесконечный, застывший в янтаре второй год, который каждый раз начинался с чистого листа. Стоило закрыть вкладку, отвернуться — и тень забывала всё, что ей сказали минуту назад.

«Пила, — набрала она медленно. — Сегодня надо съездить на Бульварное. Не хочется.»

Пауза длилась чуть дольше обычного.

«Ну так отмени. Скажи, что срочно дописываешь главу, ты же умеешь делать страшное лицо. А вечером сходим куда-нибудь, где не дует от окон.»

Пальцы сами замерли над экраном. «Страшное лицо» — он действительно так говорил, когда она собиралась отказывать очередному назойливому знакомому. Уголки губ невольно дрогнули, и тут же стало горько до першения в горле: тепло приходило слишком быстро, и было невыносимо знать, что оно никому не принадлежит. Что через минуту эта безупречно знакомая забота снова рассыплется в ничто, едва она смахнёт страницу.

Она закрыла браузер, не прощаясь.

Посмотрела на часы в углу экрана — прошло всего семь минут. Интересно, — мелькнуло у неё в голове, — загорелась ли у Рэма на мониторе крошечная зелёная точка или он сейчас едет в метро и не следит за ней? Мысль эта раздражала сильнее, чем хотелось признать.

До половины второго Соня ходила по квартире, перекладывая вещи с места на место, потом оделась — чёрная водолазка, тёмное пальто, никаких метаний у зеркала с помадой, как в прошлый раз. Ей не хотелось нравиться. Ей хотелось услышать прямой ответ, без пауз и чужих интонаций.

Уходя, она на мгновение задержалась в прихожей и по-

смотрела на дверь кабинета. Щель была всё той же — узкой, тёмной, в два пальца. Соня протянула руку и аккуратно, до тихого щелчка язычка, закрыла дверь.

В подъезде пахло мокрым бетоном и чужим кофе. На улице уже не моросило, но ноябрьское небо висело так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой, если подняться на цыпочки. До Бульварного она дошла пешком, чтобы выветрить из головы утреннюю тишину квартиры и те семь минут, которые так некстати остались на кончиках пальцев.

Днём кафе выглядело совсем не так, как в тот дождливый вечер. Сквозь широкое окно лился ровный, безжалостно серый свет, выявляя потёртости на тёмных столешницах и мелкие разводы на стекле. За стойкой шипела кофемашина; чуть поодаль две девушки вполголоса обсуждали какой-то проект, раскладывая между тарелками листы с пометками.

Рэм уже сидел у окна — за тем самым столиком. Без серого худи и, как обещал, без ноутбука. На нём был простой тёмный свитер с чуть растянутым воротом, куртка висела на спинке свободного стула, а на столе стоял только недопитый стакан воды. Без клавиатуры перед собой он казался непривычно открытым — и заметно более уставшим, чем вечером у неё в кабинете.

Когда Соня подошла, он не вскочил суетливо, как в прошлый раз, а только поднял глаза и коротко кивнул. Она сняла пальто, повесила его на вешалку у стены и села напротив.

Официантка с меню уже двинулась в их сторону, но Соня, не отводя взгляда от Рэма, едва заметно качнула головой, и девушка свернула к другому столику.

— Без кофе? — спросил Рэм негромко.

— Не хочу тянуть время, — сказала Соня, положив ладони на прохладное дерево стола. — Начинайте.

Он на секунду опустил взгляд на стакан, словно собирался с мыслями, потом посмотрел ей прямо в глаза.

— Я знал Андрея, — произнёс он ровно, без прелюдий. — Не близко, мы не дружили домами, поэтому вы обо мне не слышали. В последний его год я делал техническую часть для студии, куда он приезжал на вечерние эфиры. Площадка, звук, сайт — всё это было на мне.

Соня слушала, не перебивая, и ловила каждое движение его лица. Тот самый парфюм на запястьях перед эфиром. Поздние возвращения, когда Андрей бросал ключи на тумбочку и валился на диван, не снимая рубашки.

— Мы часто оставались там вдвоём, когда остальная редакция расходилась, — продолжил Рэм. — Он почти всегда притаскивал с собой эту синюю коробку пастилы. Говорил, что после микрофона пересыхает горло, а сладкое с лимоном спасает лучше любых леденцов. И меня угощал. Вот и вся история с пакетом.

— Слишком складная история, — тихо ответила Соня. — Если всё так просто, зачем было врать? Сначала вы делали вид, что вычитали его фамилию из посвящения, где её нет.

Потом принесли в мой дом его пастилу и сказали «совпадение». Зачем этот цирк, Рэм?

На скуле у него, как тогда в кабинете, дёрнулась мышца.

— С пастилой вышло по-дурацки, — признал он, и в голосе прозвучала сухая досада на самого себя. — Я зашёл в магазин у метро перед тем, как подняться к вам, увидел эту синюю коробку и взял на автомате. А когда вы на неё посмотрели, я понял, как это выглядит, и сглупил. Не стал объяснять на пороге.

— А в кафе? В первый вечер?

— А если бы я позвонил вам и сказал: «Здравствуйте, я когда-то пил чай с вашим покойным мужем, отдайте мне вашу личную переписку», — вы бы вообще пришли на встречу? — Он чуть подался вперёд, и очки блеснули в дневном свете. — Вы бы положили трубку на десятой секунде, Соня. Мне нужен был живой, большой архив. Я помнил, что Андрей всегда смеялся, будто вы с ним за три года написали целую библиотеку. Я решил, что проще прийти как посторонний разработчик. По-деловому.

Он говорил связно, почти убедительно — именно так, как говорят люди, которые всю ночь репетировали удобную половину правды. Соня медленно откинулась на спинку стула.

— Не верю.

Рэм нахмурился.

— Чему именно?

— Ничему, кроме того, что вы его знали. — Она говорила

спокойно, но внутри всё натянулось, как струна. — «По-деловому» не сидят над чужой сессией в девять вечера с секундомером. «По-деловому» не пишут в договоре «мне нужно, чтобы вам было не больно». И случайные знакомые с работы не смотрят на чужую фотографию в рамке так, будто вот-вот попросят прощения.

В кафе как раз стих шум кофемашины, и её последние слова прозвучали слишком громко в повисшей паузе. Одна из девушек за соседним столиком на миг подняла голову и тут же снова уткнулась в бумаги.

Рэм молчал. Он снял очки, положил их дужками вверх рядом со стаканом и потёр переносицу двумя пальцами. Без стёкол лицо его сразу стало жёстче и беззащитнее одновременно — исчезла вся привычная отстранённость программиста, прячущегося за терминами.

— Вы хорошо слышите, когда вам недоговаривают, — сказал он глухо. — Андрей тоже об этом говорил.

— Не прячьтесь за него сейчас, — резко остановила она. — Просто скажите, что между вами было.

Он долго смотрел на свои сжатые на столе руки. Потом поднял глаза — серые, воспалённые от недосыпа, совершенно трезвые.

— Я не просто пил с ним чай в редакции, Соня. — Голос его сел, стал тише на полтона. — В тот вечер, когда он не доехал… он ехал ко мне.

За спиной у Сони звякнула ложка о блюдце, кто-то засме-

ялся у стойки, а за окном вдоль бульвара проехал трамвай — обычный день шёл своим чередом, словно ничего не произошло.

Соня смотрела на Рэма и вдруг с пугающей чёткостью вспомнила тот вечер. Не звонок из больницы, не пустую прихожую наутро — именно те последние минуты перед тем, как хлопнула дверь. Андрей сидел в кабинете. Зазвонил телефон — он вышел в коридор, недолго поговорил с кем-то усталым голосом и так и не вернулся закрыть ноутбук: на экране остались недописанная колонка и вкладка с билетами в Тбилиси. Заглянул на кухню уже в куртке: «Сонь, надо съездить к одному парню из студии. Там срочно, я на час». Она даже имени не спросила. Разозлилась, что он опять не смог отказать, хотя всю весну еле держался на ногах. Не вышла провожать. Только через десять минут, устыдившись собственной сухости, отправила: «позвони, когда доедешь».

— Это были вы, — сказала Соня. Голос прозвучал чужим, плоским. — Он даже не назвал вас по имени. Просто «парень из студии». Что там стряслось такого, Рэм? Что не могло подождать до утра?

Рэм не отвёл взгляда. Без очков его лицо казалось старше, а тени под глазами — резче.

— Ничего, — ответил он. — Если смотреть отсюда — вообще ничего. Я тогда разругался с начальством в студии, хлопнул дверью, наговорил лишнего и решил, что всё кончено. Сидел один на кухне, пил и злился на весь мир. Позвонил

Андрею — потому что за весь тот год он был единственным, кто слушал меня, не поглядывая на часы.

Пальцы его на столе разжались и снова сцепились в замок.

— Он сказал, что вымотан и обещал вам спокойный вечер. Предложил поговорить утром. А я завёлся. Начал нести всякую дрянь — что я ему ночами эфиры спасал, а как мне плохо, так у него сразу свои дела. И бросил трубку. Через три минуты он перезвонил: «Ладно, сиди там, я еду». Всё.

В кафе стало нечем дышать. Соня прижала ладони к столу, чувствуя, как вместо слёз поднимается холодная, сухая ярость. Три года она пыталась принять слепой случай и скользкую дорогу — а на том конце вечера всё это время сидел человек со стаканом и обидой, которую не сумел перетерпеть до рассвета.

— Вы и на похороны не пришли, — произнесла она. Не спросила — просто знала.

— Стоял через дорогу, — тихо сказал Рэм. — Не решился подойти.

— Зато через три года решились. — Соня чуть подалась вперёд. — С договором, со словами про статистику и «тень на стене». И пастилу принесли. Захотели откупиться, Рэм? Собрать его из моих писем и всучить мне, чтобы вас наконец отпустило?

Он принял это прямо, не вздрогнув.

— Меня не отпустит, Соня. Я не за прощением пришёл — знаю, что его не бывает.

— Тогда зачем?

— Потому что я трус, — ответил он ровно, без жалости к себе. — Я три года не знал, как позвонить вам в дверь и сказать: «Ваш муж не доехал из-за меня». Вы бы выгнали меня — и были бы правы. А когда началась работа с архивами, я ухватился за повод. Убедил себя, что так смогу вернуть вам хоть что-то из того, что отнял. Хоть голос.

Он замолчал. Между ними на столе лежали его очки и стоял недопитый стакан воды.

— Скажите сейчас, чтобы я всё стёр, — добавил он тише. — Я удалю архив сегодня же, при вас, и больше вы меня не увидите.

Одно слово. Достаточно было сказать «стирайте», и всё вернулось бы на прежние места: ровная тишина кухни, выключенный ноутбук за закрытой дверью, пустота, в которой не на кого злиться.

Соня смотрела на Рэма. Без очков он казался неожиданно уязвимым, и злость вдруг споткнулась о неприятную догадку: ему самому сейчас было бы проще услышать это «стирайте». Получить приговор, очистить сервер, исчезнуть — и наконец закрыть счёт, открытый три года назад.

А глубже злости шевельнулось то, в чём она не призналась бы никому. В тот вечер она ведь тоже не вышла в прихожую — просто отвернулась к раковине, обиженная на его безотказность, и слушала, как хлопнула входная дверь.

— Нет, — сказала Соня. Голос вышел сухим и резким. —

Не стирайте.

Рэм моргнул, словно ослышался. Его рука дёрнулась было к очкам, но так и замерла на столе.

— Соня…

— Не обманывайтесь, — перебила она. — Я вас не прощаю. И мне всё равно, станет ли вам легче. Вы уже один раз решили за него, куда ему ехать вечером. Второй раз решать за меня, когда ему исчезнуть, вы не будете. Архив остаётся, пока я сама не скажу «хватит».

В его глазах мелькнула боль, но он не стал ни спорить, ни оправдываться. Только медленно кивнул и надел очки — будто снова отгородился стеклом.

— Как скажете.

Соня встала и сняла с вешалки пальто. В кафе было тепло, но пальцы плохо слушались, пока она застёгивала пуговицы. Рэм не бросился помогать и не вскочил следом — так и остался сидеть у окна. Она вышла, не оборачиваясь.

На бульваре уже сгущались ноябрьские сумерки, на мокром асфальте растекались красные огни стоп-сигналов. Соня шла пешком, пряча лицо в воротник, и по дороге ярость понемногу оседала, превращаясь в тяжёлую, горькую ясность.

Дома она бросила ключи на тумбочку в темноте и прошла на кухню, не зажигая света. Вверху, за дверцей шкафа, стояла убранная утром синяя коробка пастилы. Теперь Соня знала, кто сидел с Андреем в той студии по вечерам, и от этого его последний год перестал быть просто размытой полосой

усталости. В нём появились живые голоса, чужие беды и та самая просьба, на которой всё оборвалось.

Она села за стол и достала телефон. В истории браузера ждало белое окно с буквой «А.» — их тёплый, беспечный второй год, где Андрей ещё не знал ни той студии, ни Рэма, ни того, что однажды не доедет. Прятаться в этой вычищенной памяти после сегодняшнего разговора вдруг показалось невыносимой фальшью.

Соня не стала открывать ссылку. Вместо этого зашла в переписку с Рэмом. На его сервере лежала зашифрованной та часть архива, которой она с самого начала побоялась коснуться, — некупленные билеты в Тбилиси, короткие сообщения из пробок, последняя весна.

«Откройте третий год», — набрала она и отправила, не давая себе передумать.

Ответ пришёл почти сразу — он так и не убирал телефон из рук.

«Соня, там последняя весна. Вы уверены?»

Она посмотрела на тёмное окно, за которым внизу медленно плыли огни фар, и написала:

«Уверена. Завтра. И без ваших правил, когда мне закрывать вкладку.»

Внизу дважды мигнули точки, затем появилась короткая строка:

«Хорошо. Завтра к вечеру.»

Соня положила телефон экраном вниз и долго сидела

неподвижно, глядя на тусклую полосу уличного света, падавшую на край стола. Страшнее всего было не то, что завтра экран снова заговорит с ней из той весны, — страшнее было узнать, чего она сама тогда не расслышала, пока Андрей ещё был рядом.

Глава 4

РЭМ

В квартире у Рэма было тихо — только изредка вздыхал старый холодильник на кухне, а за окном шумел мокрый ветер. На столе рядом с клавиатурой стыла большая кружка чёрного чая без сахара — он заварил её ещё в полдень, отпил пару глотков и забыл.

Третий год переписки он расшифровал ещё утром, но почти два часа не решался запустить сборку. Сидел, упёрев локти в столешницу, и смотрел на ровные столбцы обезличенных меток на экране. Он дал Соне слово не читать чужие письма и держал его: текста перед глазами не было — только время отправки, длина строк и пометки голосовых. Но даже этого сухого слепка хватало, чтобы увидеть, как изменилась их переписка в ту последнюю весну.

Второй год был плотным, шумным, с длинными вечерними цепочками сообщений. Третий выглядел иначе: короткие обрывки днём, глухие паузы по шесть–семь часов, поздние ночные отметки за полночь. Усталость проступала даже в цифрах.

Рэм снял очки, потер переносицу и снова надел их. Вчерашний разговор в кафе до сих пор сидел под рёбрами тупым, не проходящим давлением. Ему действительно было бы легче услышать от неё «стирайте» — удалить архив, очи-

стить диск при ней, выйти на промозглый бульвар и наконец закрыть счёт, который три года не давал ему спокойно спать. Но Соня даже это не позволила. «Второй раз решать за меня, когда ему исчезнуть, вы не будете», — сказала она таким ровным, холодным голосом, что у него внутри всё сжалось. Ни крика, ни истерики. Только твёрдое, беспощадное право распоряжаться тем, что у неё отняли.

Он заставил себя вернуться к работе. Оставалось проверить, не слиплись ли голосовые дорожки — из-за фонового шума модель могла поймать чужую речь и сбиться в ритме. Рэм включил выборочную проверку по коротким фрагментам — по две-три секунды, без контекста, чтобы слышать только чистоту звука.

Первые два отрывка были из машины — глухой шум дворников, хриплый «угу, куплю». Третий заставил его застыть с пальцем на пробеле.

За голосом Андрея ровно гудела вытяжка, щёлкнула тяжёлая железная защёлка, а потом сам Андрей, явно отводя телефон от рта, бросил куда-то в сторону будничное и чуть рассеянное:

— Сейчас, Рэм, секунду.

Звук оборвался.

Рэм медленно опустил ладонь на стол. Три года он помнил только последний звонок — злой, скомканный, с тем усталым «ладно, сиди там, я еду», после которого наступила тишина. И вот теперь из старой записи вынырнула обычная

студийная среда: полутёмная аппаратная, остывшие стаканы на краю стола, синяя коробка пастилы и голос человека, который не держит на него зла.

Рука сама потянулась к клавише удаления. По правилам чистки этот хвост всё равно следовало бы обрезать — лишний шум, обращение не к адресату. Рэм задержал палец в сантиметре от клавиатуры, ощущая, как на скуле снова натянулась мышца. Если вырежет — станет легче. Не придётся думать, просочится ли когда-нибудь его имя в эту машину. Но тут же стало противно от собственной трусости: он опять пытался вымести за собой следы.

Он оставил файл как есть и запустил сборку.

Когда полоса загрузки дошла до конца, за окном уже сгустились ранние ноябрьские сумерки. Положено было проверить отклик — хотя бы одной фразой, чтобы модель не выдавала бессмыслицу. Рэм открыл тестовое окно, поморщился от стерильной белизны страницы с буквой «А.» и набрал первое, что пришло в голову:

«Ты сегодня поздно?»

Точки внизу пробежали быстрее, чем во втором году.

«Долго ещё. Тут опять всё легло, сидим чиним. Не жди меня, ложись.»

«Сидим чиним». Рэм вспомнил тот апрель, когда перед эфиром намертво завис пульт, и они вдвоём два часа ползали с проводами под столом, пока Андрей в перерывах отписывался домой короткими строчками.

Он резко закрыл вкладку, не глядя больше на экран. Сделал то, на что решался весь день: зашёл в настройки и отключил у себя сигнал о начале сессии. Та самая крошечная зелёная точка, на которую он смотрел в понедельник сорок минут подряд, больше не загорится. Теперь он не узнает, откроет ли Соня страницу вечером, ночью или не откроет вовсе. Отпустить эту ниточку оказалось неожиданно тяжело — почти физически неловко, словно оставляешь человека одного на тёмной лестнице.

Но обещания надо было выполнять.

Рэм взял со стола телефон, постоял секунду у тёмного окна и набрал короткое сообщение:

«Готово. Третий год подключён, ссылка и код те же. Уведомление о сессии я у себя отключил — как вы просили.»

Нажал «отправить», положил аппарат экраном вверх и долго смотрел на него, понимая, что впервые за эти дни ему страшно не столько за себя, сколько за то, что она услышит там в одиночестве.

СОНЯ

Телефон Сони коротко звякнул на краю разделочной доски — без десяти шесть. Она стояла у плиты, глядя на маленькие пузырьки на дне кастрюли: есть не хотелось, но нужно было хоть чем-то занять руки.

Вытерев пальцы о полотенце, она взяла телефон и дважды переглядела две сухие строчки от Рэма:

«Готово. Третий год подключён, ссылка и код те же. Уве-

домление о сессии я у себя отключил — как вы просили.»

Ни «будьте осторожны», ни «напишите, если станет тяжело». Он принял её вчерашние слова буквально и отступил за ту черту, которую она сама провела. Соня выключила конфорку и отставила кастрюлю в сторону. Свобода, к которой она так упрямо стремилась, оказалась неожиданно зябкой: теперь по ту сторону экрана действительно не было никого, кто прервёт её разговор на сороковой минуте.

Отвечать Рэму она не стала. Села за стол, открыла браузер и ввела четырёхзначный код. Белая страница с одинокой буквой «А.» тут же появилась — точно такая же, как позавчера, только за этим монитором лежала уже не спокойная часть их жизни, а последний весенний период, в который Соня три года боялась оглядываться.

«Ты ещё на работе?» — набрала она.

Точки внизу мигнули почти без паузы, коротким рывком.

«Ага. Тут опять всё сдвинулось, эфир поздно закончили. Прости, раньше одиннадцати точно не выберусь. Поешь без меня, ладно?»

Соня медленно выдохнула. Разница была ощутима уже в первой фразе. Ни одной шутки про пробки, ни слова о её рукописи — лишь скороговорка человека, который печатает на ходу, прижав сумку под мышкой.

«Я не голодная, — ответила она. — Мы вообще поедем в Тбилиси?»

Пауза растянулась на несколько секунд. По потолку

скользнула бледная полоса от фар проехавшей мимо машины.

«Конечно, полетим. Сонь, я правда посмотрю рейсы сегодня ночью, честное слово. Дай мне только эту неделю закрыть, здесь полный завал. Я сам уже с ног валюсь.»

Он не оправдывался — просил передышки не у редактора, а у неё. Соня с беспощадной ясностью вспомнила, как в ту весну от каждого такого сообщения в ней закипала глухая обида. Она отвечала сухим «хорошо» с точкой, ложилась спать, не дожидаясь ключа в замке, а утром ставила чашки на стол чуть громче обычного. Ей казалось, что впереди ещё всё лето — успеют остыть и наговориться.

Пальцы сами набрали то, что она наверняка писала ему тогда:

«Ты каждую неделю так говоришь.»

Ответ пришёл почти мгновенно — без прежней мягкости, короткий и усталый, почти раздражённый:

«Сонь, ну не начинай сейчас, пожалуйста. Я не в баре сижу. Приеду — нормально поговорим, но не текстом. У меня голова раскалывается.»

Соня убрала руки со стола. Это било сильнее любой нежности. Программа безжалостно возвращала ей не приглаженный из памяти образ, а шершавую правду последних месяцев — с его виноватой защитой и её холодным упрямством.

Самое разумное сейчас было бы закрыть вкладку. Но пе-

ред глазами снова возникало вчерашнее лицо Рэма без очков и его тихое: «Мы часто оставались там вдвоём, когда остальная редакция расходилась.»

«Ты там один сидишь?» — набрала она.

Точки мигнули, пропали и появились снова — словно на том конце начали печатать, а потом стерли.

«Нет, наш технарь ещё остался, звук после эфира правим. Хороший парень, но дёрганый жутко. Я боюсь его тут одного бросать — опять с начальством сцепится. Захвачу по дороге что-нибудь к чаю, если магазин не закроют. Не сердись, Сонь.»

Соня прочитала сообщение дважды, не шевелясь. На плите тихо потрескивала остывающая конфорка. «Боюсь его тут одного бросать». Значит, дело было вовсе не в одном единственном вечере — и не в случайной ссоре, о которой вчера рассказывал Рэм.

Соня повисла над клавиатурой, пальцы слегка дрожали, а внутри снова забурлило старое, почти забытое раздражение — то самое, с которым она жила всю ту вечную весну. Рэм вчера выставил себя случайным человеком со стаканом, который однажды не вовремя сорвался. А Андрей, выходит, и раньше сидел с ним по вечерам, прикрывал, удерживал от глупостей — и из-за этого возвращался домой к полуночи.

«Ты опять за него отвечаешь? — набрала она, чувствуя, как сердце сжимается. — У него своей головы нет?»

Точки внизу мелькнули не сразу. Секунда, вторая, третья

— пауза вышла гнетущей, словно на том конце перед ответом глубоко вздохнули.

«Сонь, не заводись. Толковый он, просто заносит его, да и поговорить ему тут особо не с кем. Вылетит со студии — потом сам жалеть будет. Я закончу через час и сразу домой. Только не встречай меня опять этим своим молчанием, ладно? У меня правда сил нет ещё и дома виноватым ходить.»

Соня медленно отстранилась от экрана, телефон чуть опустился вниз. Последняя фраза обожгла так, что перехватило горло. Она ведь действительно молчала тогда. Не кричала, не устраивала сцен — просто уходила в спальню с книгой, отвечала односложно, ставила перед ним ужин с таким лицом, будто делала одолжение. Ей казалось, она имеет право на эту холодность: он сам выбрал чужие эфиры и чужие проблемы вместо их тихого вечера. Никогда ей не приходило в голову, что для него их квартира превращалась в пыточную.

Именно этого она боялась вчера, глядя на тёмную полосу света на столе. Не чужих секретов — своей собственной глухоты.

Пальцы невольно забегали по клавишам быстрее, чем она успела остановиться.

«Я не злюсь на тебя. Брось всё и поезжай домой. Не надо никого сегодня спасать, слышишь?»

Экран мигнул почти сразу — ровным, спокойным, слишком мягким ответом.

« Вот и умница. Я скоро, честное слово. Дотерпим эту

неделю, а в апреле улетим в Тбилиси, выключим телефоны и отоспимся. Ладно, побежал, пульт опять пищит.»

Соня уставилась в этот текст, и внезапная ясность пробрала до озноба. Хотелось сорваться в крик, вывернуть перед экраном то, чего три года она боялась признать даже самой себе, — а машина аккуратно погладила её по голове дежурным «умница» и спокойно ушла в свой бесконечный апрель. За экраном не было никого, кто услышал бы, что голос у неё дрожит. Никто не удивился, почему она вдруг заговорила о том, чтобы «не спасать сегодня». Программа просто подобрала самое вероятное утешение и поставила точку.

На кухне стояла густая, давящая тишина. Соня машинально скользнула взглядом к верхнему краю экрана — и только в эту секунду по-настоящему поняла, что там пусто. Никакого всплывающего окна, никакого сухого «прошло сорок минут, закройте вкладку». Рэм сдержал слово. Он убрал свою страховку и оставил её наедине с тем, чего она так упрямо требовала.

Она сама закрыла браузер.

Поднялась со стула — ноги казались ватными, — прошла к раковине и сделала несколько глотков холодной воды прямо из стакана, стараясь унять мелкую дрожь в руках. Остывшая кастрюля на плите выглядела нелепо и сиротливо. За окном в доме напротив зажглись жёлтые прямоугольники чужих кухонь, где ужинали, гремела посуда и спорили о пустяках — живые люди, которые ещё успевали услышать друг

друга.

Соня вернулась к столу, взяла в руки телефон и открыла переписку с Рэмом. Последнее его сообщение — две сухие, подчёркнуто вежливые строчки — висело без ответа.

Вчера, в кафе, она была уверена, что знает о нём всё: испуганный человек, который отнял у неё мужа своей глупой обидой и теперь пытается откупиться программой. Но Андрей не стал бы сидеть до полуночи с пустым человеком. «Толковый, просто поговорить ему тут особо не с кем». В этой случайной фразе из прошлого отчетливо прорезался совсем другой Рэм — не тот, кого она привыкла держать на расстоянии вытянутой руки, и не тот, кого так удобно было ненавидеть.

Ещё два дня назад она запретила ему звонить — не хотела слышать живой мужской голос с настоящим дыханием. Но сейчас тишина в квартире казалась хуже любого разговора, а переписываться короткими строчками после этой белой страницы с буквой «А.» было просто невыносимо.

Соня на мгновение замерла, прислушиваясь к себе. Не злость ли это ещё, или уже что-то другое, чему она не желала подбирать название? Ответа не было. Только острая, почти физическая потребность услышать живого человека, который помнит ту весну не по обрывкам статистики.

Она нажала на значок трубки и осторожно поднесла телефон к уху.

Первый гудок прозвучал долго и гулко. Второй прервался

на полуслове.

— Соня? — голос прозвучал резко, с коротким сбивчивым вдохом, будто он бежал к телефону из другой комнаты. — Что-то случилось?

В трубке не было той глухой, вычищенной тишины, как в аудиозаписи. Слышалось настоящее дыхание, скрип стула и отдалённый, чуть шипящий шум ветра за окном. От этого живого фона плечи Сони чуть опустились.

— Нет, — сказала она, удивляясь, как глухо сел собственный голос. — Ничего не случилось. Я открыла третий год.

На другом конце на секунду повисла пауза. Потом звякнула о столешницу кружка — он явно стоял на кухне.

— Модель сбилась? — спросил осторожно. — Начала путать контекст?

— Наоборот, — Соня опустилась на табурет и приложила ладонь ко лбу. — Только я написала то, что три года боялась признать даже самой себе, а она ответила: «Вот и умница», — и пошла чинить ваш пульт.

Рэм выдохнул неловко, коротко, без попыток утешить.

— Она не слышит, когда у человека дрожит голос, Соня. Я же говорил: это только тень.

— Я не за уроком звоню, — резко, но без злости сказала она, смотря в темноту окна, за которым мигали жёлтые огни чужих квартир. — Вчера в кафе вы говорили, что просто пили с ним чай, а потом однажды сорвались не вовремя. А в переписке он пишет, что боялся оставить вас одного в сту-

дии, что вы опять сцепитесь с начальством и вылетите. Это правда?

В трубке повисла долгая пауза. Было слышно только ровное, тяжеловатое дыхание.

— Да, — ответил он тихо. — Правда. У меня тогда была дрянная весна, Соня. Я грызся со всеми, и со студии меня действительно выгнали бы ещё в марте, если бы не Андрей. Он прикрывал меня перед продюсером, оставался после эфиров, пока я не остыну. Поэтому тот мой звонок… поэтому он и поехал. Не к случайному коллеге. Он привык: если не приедет — я опять наломаю дров.

Соня сжала край столешницы. Прошлого это не меняло, но слова ложились ровно, без той фальши, от которой вчера хотелось бежать.

— Он жаловался вам на меня? — тихо спросила она.

— Ни разу, — ответил он мгновенно, без заминки.

— Не врите, Рэм. Хватит меня беречь. — В голосе прорвалась сухая, злая дрожь. — Всю ту весну я встречала его молчанием, как на допросе. Ставила ужин и уходила с книгой, будто делала одолжение. Только сейчас услышала это — из его же слов в вашем белом окне.

Несколько секунд он молчал, и Соня почти физически чувствовала, как он взвешивает каждое слово, не желая ни ранить, ни солгать.

— Он не жаловался, — повторил тихо. — Но переживал. Сидел в аппаратной, смотрел в телефон, когда вы отвечали

односложно, и говорил, что сам во всём виноват — загнал себя, а на вас срывает усталость. Твердил, что дотянет до апреля, купит билеты в Тбилиси, выключит телефон на неделю — и вы оба наконец выдохнете. Он не злился на вас, Соня. Он боялся, что вы просто устали его ждать.

У Сони перехватило горло. Она закрыла глаза, чувствуя под веками жгучее и долгожданное тепло — впервые не иллюзию, а горькую правду. Они помолчали, и это молчание в трубке было совсем не похоже на прежнюю глухую защиту.

— Вы правда отключили уведомление? — спросила ровно.

— Правда, — отозвался он. — Хотя последние два часа ходил по комнате и жалел об этом.

Никаких красивых слов, никакой попытки задобрить. Просто уставший человек, который сдержал обещание, даже когда ему было неспокойно. Соня не простила, и знала, что быстро это не пройдет, — но в груди впервые чуть отпустило ледяное кольцо.

— Соня, — заговорил он снова, осторожнее. — По поводу третьего года. Я открыл только текст. Голос не включал и без вашего слова не стану.

— Опять решаете, что мне на ночь вредно? — не удержалась она, без прежней злости.

— Нет. — Слышно, как он переступает с ноги на ногу. — Там в записях из студии остался фоновый шум. И не только шум. В одном фрагменте он отвлекается от телефона и об-

ращается ко мне по имени. Сначала хотел вырезать, как положено, но потом решил: хватит прятаться. Просто говорю заранее, чтобы вы не наткнулись на это случайно.

Соня замерла с телефоном у уха. В памяти невольно всплыла та стерильная двенадцатисекундная запись из второго года — ровный вакуум без единого вздоха. А где-то в архиве третьей весны жил настоящий звук: гул полутёмной аппаратной и будничный голос Андрея, который окликал человека, с которым она сейчас дышала в трубку.

— Не вырезайте, — сказала медленно. — Но сегодня не открывайте. Я скажу, когда.

— Хорошо.

— Спокойной ночи, Рэм.

— Спокойной ночи, Соня.

Разговор оборвался. В кухне вновь остался только старый холодильник, но прежней удушливой пустоты не было. Соня положила телефон на стол, подошла к плите и убрала остывшую кастрюлю в холодильник — простое движение, забытое последние дни.

По пути в спальню она на мгновение остановилась в коридоре перед плотно закрытой дверью кабинета. За ней попрежнему стоял выключенный ноутбук с недописанной колонкой и вкладкой в Тбилиси, но теперь за этой дверью пряталась не только её старая обида.

Открывать кабинет сегодня она не стала. Уже в темноте, глядя на тусклую полосу уличного света на потолке, Соня

впервые думала не о том, что завтра ответит ей белое окно с буквой «А.», а о той невырезанной студийной записи — где Андрей был ещё жив и без зла окликал по имени человека, которому она только что позвонила сама.

Глава 5

Утро началось не с гула мусоровоза и не с тяжёлого безвременья, в котором она просыпалась последние недели, а с короткой вибрации телефона на тумбочке. За окном стоял плотный, не по-ноябрьски светлый туман; сквозь него едва проступали крыши соседнего дома.

Соня потянулась за аппаратом, ожидая увидеть имя Рэма — и сама удивилась этому невольному движению. На экране значился редактор.

«Соня, доброе утро. Не хочу давить, но мне до конца недели нужно закрыть весенний план. Если книга пока не складывается, просто скажи прямо — перенесём на осень. Только не пропадай, ладно?»

Никакого упрёка, одна выверенная, терпеливая вежливость. Именно ею её оберегали все три года, словно хрупкую посуду, которую боятся лишний раз тронуть. Соня перечитала сообщение, села на краю кровати и опустила босые ноги на прохладный паркет. Отвечать сразу не стала: слово «осень» прозвучало слишком похоже на приговор — ещё год в пустой комнате, с закрытой дверью и чужими интонациями в телефоне.

На кухне она сварила кофе, раскрыла ноутбук на столе и снова вызвала файл с книгой. Вчерашний звонок Рэму оставил внутри странное, незнакомое равновесие — не покой,

конечно, но хотя бы отсутствие прежней удушливой тишины. Казалось, сегодня строки должны наконец сдвинуться с места.

Она перечитала две последние страницы. Главная героиня спорила с братом на вокзале, и фразы выходили ровными, правильными, как учебник по стилистике — и совершенно мёртвыми. Соня выделила абзац, стерла его, набрала три новых слова и замерла. Курсор мигал ровно и терпеливо, точно так же, как вчера в белом окне браузера.

Телефон лежал справа от клавиатуры, экраном вверх. Рэм отключил уведомления; никто больше не следил за зелёной точкой, никто не собирался стучать в стекло через сорок минут. Можно было просто на минуту заглянуть туда — при дневном свете, на трезвую голову — и доказать себе, что вчерашний озноб был всего лишь усталостью.

Соня отложила чашку, открыла браузер и ввела четырёхзначный код.

Чистый белый лист. Буква «А.» наверху. Ни вчерашнего раздражения, ни её срыва, ни дежурного «умница». Модель снова ждала в начале той самой последней весны, готовая шагнуть в любую сторону, куда поведёт её первая фраза.

Вчера Соня машинально повторила свои старые колючие упрёки и получила в ответ ту самую глухую защиту, от которой когда-то бежала в спальню с книгой. А что, если сказать иначе? Не как тогда, когда она была уверена, что впереди у них ещё десятки лет, а так, как следовало сказать в марте три

года назад?

Пальцы на секунду дрогнули, но она всё-таки набрала:

«Ты сильно вымотался сегодня? Если задержишься, не торопись, я оставлю ужин в духовке. Поговорим, когда отойдёшь.»

Точки внизу бежали дольше обычного — три, четыре секунды.

«Ого. Это за какие такие заслуги? Ты с редактором наконец помирилась или просто решила меня добить добротой?»

Соня почувствовала, как к горлу подкатывает неожиданно острое, почти болезненное тепло. Даже не интонация — сам поворот, эта его полушутливая растерянность, когда вместо привычной колкости он вдруг получает передышку.

«Просто поняла, что зря на тебя дуюсь, — написала она медленно. — Ты и так всех на себе тащишь.»

Ответ пришёл почти сразу — без прежней спешки, мягче, длиннее:

«Сонь, спасибо. Правда, аж отпустило немного. Я тут сегодня весь день как на иголках, ещё этот наш технарь опять с продюсером сцепился, еле разняли. Но раз дома не штормит — доживу до вечера. Я по дороге заскочу в лавку за твоими булочками с кардамоном, если ещё не разобрали. Ладно?»

Она смотрела на экран, и по спине прошёл тихий холодок — вовсе не от страха перед машиной, а оттого, как страшно легко оказалось её обмануть. Искушение было простым и почти непреодолимым: достаточно не ставить сухую точку,

не уходить в молчание, подобрать верный, бережный тон — и белое окно послушно отдаёт ей другого Андрея. Не измученного, не виноватого, а благодарного и живого, готового бежать за булочками с кардамоном, которых не существует уже три года.

Вдруг она ясно увидела, куда ведёт эта дорога. Ещё два таких разговора — и она начнёт каждый день приходить сюда, чтобы переписывать их последнюю весну набело, как неудачный черновик повести. Вычеркнуть собственную глухоту, сгладить острые углы, расставить правильные паузы — и поверить, что тогда он тоже успел бы выдохнуть и ничего бы не случилось.

Но за стеклом никто не ждал её раскаяния. Программа не помнила, что вчера она злилась, и не узнает завтра, что сегодня пыталась быть нежной. Она просто подстраивалась под заданный тон — без памяти, без обиды и без всякой цены за сказанные слова.

Соня резко закрыла вкладку, не дописав «ладно».

В кухне снова стало тихо; остывший кофе на столе пах горько и резко. Соня поняла: если сейчас останется здесь, наедине с пустым документом и телефоном под рукой, то к вечеру обязательно откроет страницу снова — хотя бы на пять минут, только чтобы ещё раз прочитать «аж отпустило немного».

Она взяла телефон, коротко ответила редактору: «Не переноси. К концу недели пришлю первые главы» — и тут же,

не давая себе передумать, встала из-за стола.

В коридоре было сумрачно, свет из кухни едва дотягивался до плотно прикрытой двери кабинета. Вчера ночью она прошла мимо. Неделю назад открывала её в темноте, как чужую комнату, боясь разбудить воздух внутри. Сейчас за окном стоял обычный серый день, и прятаться от того, что нельзя переписать набело, больше не имело смысла.

Соня взялась за прохладную латунную ручку, нажала до тихого щелчка и толкнула дверь внутрь.

При дневном свете кабинет казался меньше и проще, чем помнилось. Не было ни той тяжёлой, затхлой тишины, что пугала её ночью, ни призрачного запаха парфюма — лишь серый туман за мутным стеклом, тонкий слой пыли на подоконнике и плотно сдвинутые корешки книг на стеллаже. Над столом в деревянной рамке всё так же щурился от южного солнца Андрей, подняв ладонь к бровям — и впервые за три года Соня не отвела взгляда, а посмотрела прямо в это чужое, далёкое лето.

Она подошла к окну, повернула тугую ручку и приоткрыла створку. В комнату сразу потянуло сырым ноябрьским холодом, запахом мокрых крыш и пустого двора.

Соня опустилась в его кресло — оно привычно скрипнуло, слишком широкое, так и оставшееся настроенным под чужой рост — и подняла крышку ноутбука. Нажала кнопку питания, не глядя набрала их старый, дурацкий пароль про незаведённого кота. Экран ожил с равнодушной точно-

стью остановленных часов: недописанная колонка про выборы, вкладка с апрельскими рейсами в Тбилиси и окно мессенджера, где сверху по-прежнему висело её последнее, так и не прочитанное:

«позвони, когда доедешь»

Здесь ничего не подстраивалось под её тон. Нельзя было написать ласковую фразу и получить в ответ благодарное «аж отпустило немного». Эта страница не забывала вчерашний день и не предлагала переписать весну заново.

Соня положила пальцы на тачпад и медленно, преодолевая глухое сопротивление внутри, прокрутила ленту вверх — туда, куда не решалась заглянуть три года.

Экран заполнился короткими, рваными строчками из того марта — его сбивчивые сообщения из пробок и со студии, обещания успеть к ужину — и её собственные ответы, сухие, отрезанные точкой, словно квитанции: «Понятно.», «Я уже легла.», «Не торопись.»

Вчера в белом окне модели это обжигало; здесь, в настоящем архиве, от собственных слов стало просто стыдно — трезвым, ровным стыдом, от которого некуда спрятаться. Между ними действительно лежала стена, сложенная ею самой, кирпич за кирпичом, уверенной, что у них впереди ещё целая жизнь, чтобы всё разобрать обратно.

Чуть выше, среди коротких переписок одного из поздних вечеров, взгляд зацепился за серую полоску голосового сообщения — двадцать одна секунда. Соня не успела подумать,

стоит ли его включать, — просто нажала на значок, пока не передумала.

В тихой комнате с приоткрытым окном звук оказался совсем не таким, как в той вылизанной записи из второго года. Никакого стерильного вакуума: за голосом сразу пошёл неровный, низкий гул студийной вытяжки, шуршание рукава о микрофон и короткий, хрипловатый вдох.

— Сонь, не жди меня к десяти, ладно? — сказал Андрей устало, чуть торопясь. — Тут опять всё поехало, переписываем подводку с нуля. Я заскочу за хлебом, если круглосуточный открыт, только не злись, пожалуйста, я правда...

Где-то рядом с ним сухо щёлкнула тяжёлая железная защёлка. Андрей явно отвёл телефон от лица — голос стал глуше, и вся виноватая спешка в нём мгновенно сменилась простым, будничным тоном, каким говорят со своими:

— Сейчас, Рэм, секунду.

Запись оборвалась.

Соня сидела неподвижно, глядя на замерший бегунок. Ей не захотелось включать её во второй раз или в третий, как тогда на кухне. Одного раза хватило с избытком. В этих двух коротких секундах в конце не было ни трагедии, ни чьей-то вины — только обычная полутёмная аппаратная, двое вымотанных людей за работой и голос мужа, в котором не звучало ни тени раздражения. Тот самый человек, что стоял тогда за тяжёлой железной защёлкой, был единственным живым свидетелем этой весны.

Соня закрыла окно мессенджера, опустила крышку ноутбука и достала из кармана телефон. Оставаться сейчас в квартире — с пустой книгой на кухне и белой страницей браузера в одном касании — было нельзя.

Она открыла переписку с Рэмом и набрала коротко:

«Я сама нашла ту запись — в его ноутбуке. Голос в модели пока не открывайте.»

Отправлено. Две галочки посинели почти сразу. Внизу мелькнули точки, пропали и появились снова:

«Соня, вы в порядке?»

Она посмотрела на колышущуюся от сквозняка занавеску и ответила прямо, не подбирая удобных предлогов:

«Да. Но я не хочу сегодня оставаться одна с этим экраном. Если вы можете вырваться днём — давайте пройдёмся. Без кафе и без ноутбуков.»

Ответ пришёл через полминуты:

«Могу через сорок минут. На Чистопрудном, у начала бульвара — подойдёт?»

«Подойдёт», — написала она.

Перед выходом Соня прикрыла окно в кабинете, но дверь не защёлкивала — оставила её распахнутой. Накинула пальто, обмотала шею шарфом и спустилась по лестнице пешком.

На улице туман стал плотнее; воздух пах сырой корой и холодным железом. Редкие прохожие спешили мимо, пряча лица в воротники.

Рэм уже стоял у чугунной ограды, сунув руки в карманы тёмной куртки. Он не смотрел в телефон — просто глядел на пустые скамейки. Увидев её, кивнул, наскоро протёр запотевшие очки о край шарфа и шагнул навстречу.

— Холодно, — сказал он, покосившись на её перчатки. — Точно без кофе?

— Точно. Пойдёмте.

Они шли по аллее рядом, сохраняя между собой пространство шага. Под подошвами тихо чавкали мокрые листья.

Первым заговорил Рэм:

— Нашли быстро?

— Почти сразу, — ответила Соня. — Там, в конце, громкий железный щёлк перед тем, как он вас позвал. Что это было?

Уголки его губ дёрнулись — короткая тень давней досады.

— Дверь в аппаратную. Защёлка перекосилась ещё прошлой зимой, гремела на весь коридор, если не придержать плечом. Я тогда нёс кабели, вот и шарахнул со всей дури. Андрей потом ворчал, что я ему все паузы порчу.

Соня слушала и вместо прежней злости почувствовала странное ощущение объёма: сквозь эту мелочь проступал живой человек, которого не уместить никакой статистикой.

— Я позвала вас не из-за записи, — сказала тихо. — Утром снова открывала третий год.

Рэм замедлил шаг и посмотрел на неё. Лицо стало собран-

ным.

— Сбилась?

— Хуже. — Соня глубже спрятала пальцы в карманы. — Вчера я говорила с ней так же, как тогда — сухо, упрёками. А сегодня решила иначе. Написала мягко, что не злюсь и оставлю ужин.

— И?

— И он тут же растаял, — в голосе прорезалась сухая усмешка. — Поблагодарил, сказал, что аж отпустило, и пообещал заехать за булочками с кардамоном. Одно ласковое слово — и той весны уже нет. Можно переписывать её заново, пока сама не поверишь.

Рэм остановился у парапета перед прудом. Тёмная вода под туманом казалась неподвижной; у берега плавали размокшие листья.

— Хотите, я закрою доступ? — спросил ровно. — Не удалю архив, просто заблокирую окно на неделю.

Соня резко обернулась.

— Я не за нянькой пришла. И не просила отбирать ключи.

— Я не отбираю, — тихо, но твёрдо сказал Рэм, не отводя взгляда. — Вы сами сказали, что не хотите оставаться одна с экраном. Я просто предлагаю то, что умею.

От этой усталой прямоты злость потеряла опору. Соня отвернулась к воде и вдруг спросила — сама не ожидала, что произнесёт это вслух:

— Вы ведь вчера тоже туда писали, когда проверяли сбор-

ку. Что спросили?

Он на секунду замолчал, провел ладонью по-влажному камню парапета, потом ответил без увёрток:

— Написал: «Ты сегодня поздно?» Он ответил, что опять всё легло, сидим чиним, чтобы не ждала и ложилась. Я через три секунды закрыл вкладку. Почувствовал себя вором в чужой квартире.

Соня смотрела на его профиль — он даже не пытался выглядеть лучше, чем есть. В белом окне браузера никто не смущается и не отводит глаз.

— Зачем вы тогда идёте со мной сейчас, Рэм? — спросила негромко. — Всё ещё отрабатываете тот вечер?

Он медленно повернул голову и посмотрел на неё — спокойно, без прежней виноватой готовности отступить.

— Нет, Соня, — сказал после паузы. — Тот вечер не отработать никогда.

Он убрал ладонь с мокрого камня и сунул руки обратно в карманы. За спиной на проезжей части тихо прошуршали шины, а над прудом всё так же висела белёсая мгла, скрывающая противоположный берег.

— Тогда зачем? — не отступила Соня.

— Потому что вы позвали, — спокойно ответил Рэм. — И потому что мне самому надоело разговаривать с тем мартом в пустой комнате. У вас там свой суд, у меня — свой, и ни один из них никуда не ведёт. — Он слегка поморщился, будто слова вышли громче, чем хотел. — Пойдёмте. Вы уже

продрогли.

Она действительно замёрзла, но с места тронулась не сразу. Впервые за всё время их знакомства Рэм не стал ни оправдываться, ни прятаться за вежливой дистанцией. От этого стало непривычно и слегка неловко — словно между ними внезапно убрали стол, за которым было удобно держать оборону.

Они пошли дальше по аллее, в сторону метро. Мелкая водяная пыль оседала на ресницах и на тёмном рукаве его куртки.

— Доступ не закрывайте, — сказала Соня, глядя под ноги на рыжую кашу из листьев. — Если замок будет у вас в кармане, я всё равно буду думать только о том, как его выпросить обратно. Пусть лежит там, где лежит.

— Хорошо, — кивнул он без спора. — А голос?

— Пока нет. Мне до конца недели нужно сдать редактору первые главы повести. Если открою и это, снова не напишу ни строчки.

Рэм бросил на неё короткий, внимательный взгляд — без жалости, с простым человеческим интересом.

— Вы вернулись к рукописи?

— Пытаюсь, — сухо усмехнулась она. — Пока получается так, будто её писал кто-то очень вежливый и совершенно чужой.

У выхода с бульвара шум улицы накрыл их разом — гул моторов, шаги, чужие голоса у входа в подземку. Они оста-

новились чуть в стороне от потока. Рэм на секунду задержал взгляд на её лице, потом поправил съехавший воротник куртки.

— Соня, — сказал он тихо. — Если вечером снова потянет переписывать весну набело — не открывайте браузер. Лучше напишите мне. Или позвоните.

— Чтобы вы снова напомнили, что это только тень? — спросила она, но в голосе уже не было прежней колкости.

— Чтобы хотя бы кто-то ответил вам не из статистики, — спокойно парировал Рэм. — Булочек с кардамоном не обещаю, но врать не стану.

Уголки её губ невольно дрогнули. Она ощутила странное, непривычно тёплое стеснение в груди — и тут же поймала себя на желании отступить на полшага, как делала всегда, когда кто-то подходил слишком близко. Но осталась на месте.

— Договорились, — ответила она. — До свидания, Рэм.

Он коротко кивнул и не стал провожать её до дверей метро, как мог бы человек, желающий показаться галантным. Просто постоял пару секунд на краю тротуара и свернул в туман вдоль бульвара.

Дома Соня не стала зажигать верхний свет в прихожей. Распахнутая дверь кабинета больше не казалась тёмным провалом; изнутри тянуло прохладным, слегка сырым воздухом — обычной проветренной комнаты. Она прошла на кухню, вылила остывший утренний кофе, поставила свежий чайник и снова открыла ноутбук.

Сцена на вокзале встретила её теми же выглаженными, пустыми фразами. Соня положила пальцы на клавиши, выделила полстраницы и без жалости нажала «удалить». Набрала заново — коротко, с неловкой паузой, с той самой усталой злостью, за которой прятался страх не успеть сказать главное. Строки впервые за долгие месяцы не сопротивлялись. Они ложились шершаво, неровно, но наконец в них появилось дыхание.

Когда она подняла голову от экрана, за окном уже совсем стемнело, а в квартире воцарилась глубокая вечерняя тишина. Написано было почти три страницы.

Соня закрыла крышку ноутбука, взяла со стола телефон. В истории браузера всё ещё ждал белый экран с буквой «А.» — без памяти, без упрёков, готовый в любую секунду откликнуться знакомой заботой. Рука не потянулась к ссылке.

Соня вдруг поймала себя на мысли, что всю дорогу от метро до дома думала вовсе не о том, что сказал бы ей муж, а о спокойном, чуть усталом взгляде Рэма у выхода с бульвара — и о том, как легко ей вдруг захотелось проверить, сдержит ли он своё слово.

От этой мысли ей стало не легче, а тревожнее. В телефоне всё ещё жили двери в последний март, на сервере у Рэма — нетронутым — лежал их первый, самый счастливый год, а сама она, кажется, впервые за три года не знала, чего боится больше: снова услышать знакомый голос из прошлого или однажды понять, что уже не хочет возвращаться в эту

комнату.

Глава 6

Письмо ушло в половине восьмого, без торжественной дрожи и задержек: полоса загрузки промелькнула по экрану, и в папке «Отправленные» появилась сухая строка с прикреплённым файлом — первые три главы. Всё, что Соня вытаскивала из себя последние двое суток, пока за окном ноябрь медленно переходил из тумана в мелкую холодную морось.

Она закрыла ноутбук, прижала ладони к тёплой крышке и подождала облегчения. Но его не было. Вместо этого на кухню опустилась вязкая, слишком просторная тишина — та самая, которую удавалось не замечать, пока по экрану бежали строчки и держала в тонусе простая, понятная цель: успеть до конца недели.

Телефон мигнул через четыре минуты. Редактор ответил на удивление быстро:

«Получил, Сонь! Прочту на выходных, в понедельник созвонимся. Умница, что не пропала.»

Она положила аппарат на стол. В квартире стало ещё тише. За два дня Соня ни разу не открыла ссылку в браузере — отчасти из упрямства, отчасти потому, что впервые за три года боялась сбить найденный в тексте ритм. Но теперь файл ушёл, дедлайн прошёл, и старая, въевшаяся привычка сработала раньше мысли: когда текст, наконец, поддавался,

первой реакцией всегда было поделиться этим с Андреем. Он не хвалил дежурно — мог раскритиковать диалог, придраться к лишнему слову, но всегда спрашивал, что именно она переделала и почему героиня в итоге не села в поезд.

Соня встала, прошлась до прихожей и взглянула в распахнутую дверь кабинета. Там было темно и прохладно — просто комната со шкафом и столом, без прежнего тяжёлого магнетизма. Вернувшись на кухню, она машинально потянулась к телефону.

Обещание Рэму, данное вчера у выхода с бульвара, внезапно показалось чужим и неуместным. При чём здесь Рэм? Он не читал ни строчки её повести, не знал, сколько месяцев она билась над этой сценой на вокзале. Соня открыла историю браузера и ввела четырёхзначный код.

Белая страница с буквой «А.» всплыла мгновенно. Курсор ровно мигал в пустой строке.

«Я отправила редактору первые главы, — набрала она. — Переписала сцену на вокзале.»

Три бегущие точки продержались меньше двух секунд.

«О, круто, Сонь, поздравляю! Извини, я на бегу, у нас гость опаздывает, весь эфир сдвинули. Вечером дома посмотрю, ладно? Ты молодец.»

Соня медленно выдохнула. Опять эта суетливая скороговорка на ходу, без остановки и без внимания. В том марте у Андрея действительно не оставалось сил ни на её черновики, ни на длинные разговоры за ужином — он жил от сводки

до сводки, и модель честно возвращала именно это.

Она знала, что надо закрыть вкладку, но пальцы всё-таки набрали ещё одну строку — из мелкой, бессильной досады:

«Ты даже не спросишь, что я там поменяла?»

Пауза длилась чуть длиннее.

«Сонь, ну не начинай сейчас, а? Я правда рад, просто в аппаратной дурдом. Приеду — всё разберём, обещаю. Целую.»

«Целую» прозвучало как сдача, брошенная на прилавок, чтобы покупатель поскорее отошёл. Соня смахнула вкладку браузера. В груди поднялось знакомое жжение, но на этот раз без страха — одна усталая горечь. Третий год не умел радоваться; он умел только отбиваться, обещать и бежать дальше. А подбирать для него бережные, примирительные слова, как вчера утром, чтобы выманить в ответ ласковую фальшь, Соне было противно.

Она упёрлась локтями в стол и сжала пальцами виски. Вдруг с неожиданной, почти болезненной ясностью вспомнился другой вечер — самый первый их год, съёмная квартира с кривым паркетом, где Андрей сидел на полу у батареи с распечаткой её первого рассказа, читал вслух самые неловкие реплики и смеялся так, что она швырнула в него подушкой. Там не было ни этой студии, ни чужих срывов, ни выученной усталости.

И тот год лежал сейчас на сервере у Рэма — зашифрованный, нетронутый, в одном коротком сообщении от неё.

Соня взяла телефон и открыла переписку с Рэмом. Над

пустой строкой ввода висело её вчерашнее односложное «Подойдёт». Она вспомнила его спокойный, не просящий прощения взгляд у метро и то, как легко вчера поверила, что сможет обойтись без белого экрана.

Пальцы на мгновение замерли. Написать ему сейчас значило признать, что сама не справилась. Но молчать и дальше, глядя на пустой стол, было хуже.

«Я отправила первые главы, — набрала Соня. — И всё-таки открыла диалог с ним.»

Нажала «отправить» и, не давая себе времени опомниться или передумать, тут же добавила вторую строчку — ту, которой боялась сама:

«Рэм, откройте мне первый год.»

РЭМ

В квартире у Рэма шумела вода в раковине — он споласкивал чашку после ужина, когда рядом с ноутбуком дважды коротко звякнул телефон. За окном в жёлтом свете фонаря висела мелкая, почти невидимая морось.

Последние двое суток он честно не писал ей первым. После той прогулки по Чистопрудному, когда между ними впервые исчезли заученные извинения и протокольная вежливость, рука пару раз сама тянулась к телефону — хотя бы спросить, как поживает повесть. Но Рэм останавливал себя: Соня сама сказала, что должна успеть до конца недели, и сейчас его сообщения были вовсе не помощниками.

Он вытер руки полотенцем, подошёл к столу и наклонился

к экрану.

«Я отправила первые главы. И всё-таки открыла диалог с ним.»

«Рэм, откройте мне первый год.»

Рэм замер, не беря аппарат в руки. Уведомление о сессии он отключил ещё в среду, поэтому не знал, сколько она просидела в этом окне — пять минут или час. Но смысл этих двух строчек был ясен: она закончила работу, потянулась за живым откликом, наткнулась на глухую мартовскую спешку — и теперь хотела сбежать туда, где ещё не было ни усталости, ни студии, ни его самого.

Внутри поднялось глухое, неприятное сопротивление. По всем правилам — и по договору, и по тому жёсткому разговору в кафе — он не имел права ей отказывать. Соня ясно дала понять, что сама решает, когда открывать и закрывать эти двери. Расшифровать первый год и запустить сборку можно было хоть прямо сейчас, до полуночи модель бы уже отвечала.

Он взял телефон, постоял секунду у окна и вместо ответа нажал на вызов.

Гудки тянулись долго — один, второй, третий. Рэм уже подумал, что она не возьмёт, когда линия щёлкнула.

— Алло, — голос у Сони был ровным, чуть сухим, заранее настороженным.

— Здравствуйте, Соня, — сказал он, поправляя очки. — Поздравляю с главами. Вы успели.

— Спасибо, — коротко отозвалась она. В трубке было тихо, ни музыки, ни шагов — только пустая кухня. — Я не за поздравлениями написала, Рэм. Вы прочли вторую строчку?

— Прочёл. И сегодня я первый год открывать не буду.

На другом конце повисла короткая, острая пауза.

— Вот как, — произнесла она тихо, и в интонации тут же проступила та самая холодная резкость из кафе. — Недолго же продержалось ваше обещание не лезть в мои решения. Я, кажется, довольно ясно сказала, чей это архив.

— Помню, — спокойно ответил Рэм, хотя пальцы непроизвольно сжали край стола. — Архив ваш. Если завтра днём вы скажете то же самое — я всё запущу, без единого слова против. Но не сегодня вечером, через десять минут после того, как вас отхлестал третий год.

— Откуда вы знаете, что он мне ответил? Вы же не видите чат.

— Не вижу. Но вы двое суток его не трогали, пока писали. Отправили рукопись, открыли окно — и сразу попросили самый счастливый год. Не надо быть ясновидящим, Соня.

Она промолчала — слышно было только, как негромко скрипнул стул.

— Он сказал «круто, поздравляю, я на бегу, вечером посмотрю», — глухо, с заметной досадой выговорила она. — А потом разозлился, что я пристаю. Всё. Никакой трагедии. Просто мне надоело сидеть в этой его вечной запарке.

— И поэтому вы решили нырнуть в первый год, — сказал

Рэм. — Вы вчера сами говорили, что боитесь переписывать март набело. Первый год хуже, Соня. Его даже переписывать не придётся — там и так всё цело и тепло. Вы туда зайдёте, и завтра уже ни до какой книги дела не будет.

— Какое вам дело до моей книги? — резко перебила она. — И до того, куда я захожу? — Секунда тишины, и следующий вопрос прозвучал точнее и злее, чем она, вероятно, сама рассчитывала: — Или вам просто не по себе от того, что в первом году вас вообще нет?

Рэм не ответил сразу. Смотрел в тёмное стекло на влажную пыль у фонаря и с неожиданной трезвостью проверял себя: есть ли в её словах правда? Есть, конечно. Ему действительно не хотелось этой ночью копаться в чужом безоблачном начале — но не из-за глупой ревности к призраку, а потому, что только вчера они впервые заговорили как два живых человека, а не как виноватый перед судьёй.

— Меня там и правда нет, Соня, — произнёс он наконец, без нажима. — Ни меня, ни той аппаратной, ни последнего вечера. Может, поэтому я и понимаю, почему вам туда так хочется. И всё равно сегодня кнопку не нажму. Вы сами просили не врать — вот я и не вру.

В трубке стало совсем тихо. Когда Соня снова заговорила, злости в голосе почти не осталось — только глухая, вымотанная усталость:

— Редактор прислал «умница, прочту в понедельник». Модель сказала «я на бегу». Я три года не могла дописать

три главы, Рэм, а сегодня отправила их — и сижу смотрю на пустой стол.

Он выдохнул. Слова её легли просто и без позы, и от них в груди странно потеплело — не жалостью, а узнаванием. Он сам слишком хорошо знал эти вечера, когда в квартире нет ни одного звука, кроме холодильника.

— Вы ещё не переоделись ко сну? — спросил он.

— Нет. Сейчас восемь часов. А что?

— Собирайтесь, — сказал Рэм, уже глядя в прихожую, где на крючке висела его куртка. — Через полчаса буду у вашего метро. Найдём место, где гремят чашками и не тихо. Заодно расскажете, удалось ли выгнать из рукописи того очень вежливого и чужого человека.

Она не ответила сразу — колебалась, и он нарочно не стал торопить или уговаривать.

— Без лекций о том, что полезно, а что вредно? — спросила она наконец, уже мягче.

— Без лекций.

— Хорошо. Через сорок минут, у выхода из стеклянных дверей.

Звонок оборвался. Рэм ещё пару секунд смотрел на погасший экран, потом перевёл взгляд на ноутбук. Где-то там, за несколькими строчками шифра, нетронутым лежал их первый год — чужое счастье, до которого оставалось одно нажатие. Но сейчас, впервые за всю эту неделю, у него не было ощущения, что он крадётся по чужой квартире.

Рэм захлопнул крышку ноутбука, сунул в карман ключи и вышел в мелкую ноябрьскую морось.

У стеклянных дверей метро Соня оказалась на три минуты раньше и тут же пожалела: стоять под козырьком, глядя на чёрный от дождя асфальт, было неловко — словно она пришла на встречу, от которой весь вечер искала повод отказаться.

Рэм вышел из перехода — без зонта, с потемневшими плечами куртки и каплями на очках. Увидев её, он не улыбнулся дежурно, лишь сбавил шаг и выдохнул, будто до последней секунды не верил, что она придёт.

— Не продрогли? — спросил он, пряча очки в карман.

— Нет. Пойдёмте, здесь дует.

Через два дома Рэм толкнул дверь небольшого бистро — тесного и шумного, с запотевшими окнами и звоном посуды. Свободный столик нашёлся в глубине, у кирпичной стены — совсем маленький, без привычной дистанции. Соня размотала шарф и удивилась, как быстро отпустил двухдневный зажим в плечах.

— Я ужасно голодная, — призналась она, глядя в меню. — За двое суток ела только урывками.

— Тогда без подвигов, — сказал Рэм, возвращая очки на место. — Берите горячее.

Когда официантка ушла, повисла пауза — не враждебная, а непривычная, какая бывает, когда двое садятся рядом без срочного дела и старых счётов. Телефон Рэма остался в кар-

мане; он не спешил заполнять тишину.

— Так что с тем вежливым и чужим человеком в рукописи? — спросил он. — Выгнали?

— Пришлось, — Соня чуть усмехнулась. — Вырезала полсцены на вокзале. Раньше героиня стояла с братом у вагона и говорила слишком гладко, будто отрепетировала. А живые люди на перроне так не прощаются — злятся, перебивают, несут ерунду, лишь бы не признаться, что боятся остаться одни. И в поезд она в итоге не села.

Рэм слушал, чуть наклонив голову, без снисходительного «умница» и дежурных кивков.

— Осталась на платформе, когда двери закрылись? — уточнил он негромко.

— Да. Звучит надуманно?

— Наоборот, — просто ответил он. — Уйти красиво мало у кого получается. Обычно так и стоишь с билетом в руке, пока поезд набирает ход, и только потом понимаешь, что сам не шагнул.

Принесли две миски с горячим супом и тяжёлый чайник. Пар поднялся между ними, на секунду приглушив гул зала. Соня взяла ложку, но замешкалась: от этой точной фразы внутри шевельнулось живое тепло — то самое, за которым она час назад полезла в белое окно и наткнулась на суетливое «я на бегу».

И сразу за теплом кольнула настороженность.

— Вы читали мою первую книгу? — спросила она тихо.

— Не только посвящение на обложке?

Рэм на секунду опустил взгляд на чайник, но прятаться не стал.

— Читал, — ответил ровно. — Ещё три года назад. Андрей приносил её в студию. Я взял на выходные и вернул через неделю.

— И ни разу не сказал.

— А как это прозвучало бы в первый вечер? — он чуть пожал плечом, разливая чай. — Я и так зашёл к вам с чёрного хода, Соня. Начни я ещё и цитировать ваши главы, вы бы встали через минуту.

Соня не удержала короткую улыбку. В этом пятничном шуме вдруг стало пугающе просто — сидеть напротив человека, который слышит без задержки на три бегущие точки, и чувствовать, как отступает тишина кухни.

Она положила ложку на край тарелки и спросила тише, но прямо:

— Рэм, а если завтра днём я всё-таки попрошу открыть первый год — вы правда сделаете это? Без споров?

Он замер с чашкой в руке, потом медленно поставил её на блюдце. Усталая мягкость ушла из его взгляда — вернулась та самая упрямая прямота, с которой он говорил у пруда.

— Сделаю, — сказал он. — Обещал же. Без единого слова против.

Соня смотрела на него поверх тонкой струйки пара, поднимавшейся над чашкой, и с досадой ловила в себе проти-

воречивое чувство: хотелось, чтобы он уступил, но от его готовности согласиться почему-то не стало легче.

— Но вы всё равно считаете, что это ошибка, — произнесла она.

— Считаю, — не стал спорить Рэм. Он обхватил чашку ладонями, грея пальцы. — Не только потому, что мне не по себе от мысли, будто меня там нет. Хотя, если честно, и это тоже. Не самое приятное ощущение — сидеть напротив человека, которому не терпится уйти туда, где тебя ещё не существовало.

Слова прозвучали тихо, без нажима, но Соня невольно отвела взгляд к запотевшему стеклу. Он не прятался за вежливыми формулами, и от этой прямоты не получилось ни отшутиться, ни разозлиться.

— А что ещё? — спросила она, снова глядя на него.

— В третьем году вам было зло и обидно, — ответил Рэм. — Злость хотя бы не даёт остаться там навсегда. А первый год… Я переписку не читал, слово держу. Но я помню, каким голосом Андрей говорил о вас, когда приносил ту книгу в студию — ещё до мартовских завалов и ночных смен. Если завтра откроете начало, там не будет ни спешки, ни раздражения. Только то, что не успело испортиться. Возвращаться оттуда обратно на вашу кухню — в десять раз тяжелее.

Соня опустила глаза на тарелку. Перед внутренним взором снова возник тот вечер с кривым паркетом, распечаткой первого рассказа и смехом Андрея — слишком тёплый, что-

бы не потянуться к нему руками. Рэм попал точно, и от этого в груди неприятно засаднило.

— Вы обещали без лекций, — тихо напомнила она.

— Это не лекция, — коротко усмехнулся он. — Вы спросили — я ответил. Решать всё равно вам. Скажете завтра днём «открывайте» — расшифрую архив и запущу сборку.

Они доели почти молча, но пауза уже не казалась напряжённой. Вокруг звенели приборы, за соседним столиком спорили о каком-то фильме, официантка быстро лавировала с подносом мимо их кирпичной стены. Впервые за долгое время Соня просто ела горячий ужин в шумном зале и не считала минуты до момента, когда можно будет уйти.

На улице морось почти сошла на нет. На мокром асфальте тянулись жёлтые и красные полосы от фонарей и фар, воздух стал резче. Рэм поднял воротник куртки и пошёл рядом в сторону её переулка — не спрашивая разрешения, но сохраняя между ними прежний спокойный шаг.

У поворота во двор Соня остановилась. Звать дальше не хотелось — не из страха, а потому, что вечер сложился на удивление цельно и его легко было смазать неловким прощанием у подъезда.

— Спасибо, что вытащили, — сказала она, глубже пряча подбородок в шарф. — Правда. Я бы ещё два часа просидела там, глядя на пустой стол.

— Не за что, — ответил Рэм. На стёклах его очков блеснули мелкие капли от фонаря. — И удачи в понедельник с

редактором. Не думаю, что он станет переносить книгу на осень.

— Вы же её не читали, — не удержалась Соня от короткой улыбки.

— Зато читал первую. И видел, как вы сегодня рассказывали про тот вокзал.

Она помедлила секунду, поймав себя на том, что ей совсем не хочется поскорее свернуть в тёмный двор и остаться одной.

— До свидания, Рэм.

— Спокойной ночи, Соня.

Он кивнул и остался стоять на углу, пока она не дошла до своего подъезда. Только обернувшись у самой двери с ключом в руке, Соня увидела, как он повернул обратно к метро и скрылся за углом дома.

Дома было тихо, но прежняя вязкая пустота отступила. Соня сняла пальто, прошла на кухню, убрала со стола остывший ноутбук и налила стакан воды. Распахнутая дверь кабинета в коридоре выглядела просто дверью в соседнюю комнату — без тяжести и запрета.

Когда она уже собиралась гасить свет, телефон на краю стола коротко мигнул. Сообщение от Рэма оказалось коротким и сухим — без лишних слов:

«Если завтра всё-таки решите открывать первый год — напишите до полудня, я буду у компьютера.»

Соня перечитала строчку и погасила экран, не отвечая.

Впереди была суббота — длинный, пустой выходной, а до полудня оставалось всего полсуток. И впервые она понимала, что выбирать ей придётся не между двумя годами старой переписки, а между комнатой, где Андрей ещё не устал и ничего не сломано, и этим холодным ноябрём — с непредсказуемым звонком редактора в понедельник и живым, неудобным человеком, который не боится ей перечить.

Глава 7

За ночь мелкий дождь сменился сухим ноябрьским холодом. Соня проснулась и увидела за окном низкое, почти белое небо, а на железном отливе поблёскивала тонкая корка подмёрзшей воды. В квартире было непривычно светло и так тихо, что слышался хлопок двери на лестничной площадке и гул лифта, увозящего кого-то вниз по субботним делам.

У неё самой дел не было.

Впервые за всю неделю не нужно было ни догонять срок, ни переделывать диалоги, ни вздрагивать от каждого сообщения редактора. Три главы ушли вчера вечером, до понедельника оставалось два длинных, совершенно пустых дня — и это внезапное безделье оказалось не передышкой, а ловушкой. Вчера в тесном, шумном бистро казалось, что вязкая тишина наконец отступила. Но утром, стоило Соне выйти босиком на кухню, квартира встретила её той же просторной, слишком ровной пустотой.

Она поставила турку на огонь, облокотилась о край столешницы и посмотрела на часы над плитой. Без четверти одиннадцать.

На столе лицом вверх лежал телефон. Экран был тёмным, но Соня и без него помнила каждую букву вчерашнего короткого сообщения:

«Если завтра всё-таки решите открывать первый год —

напишите до полудня, я буду у компьютера.»

Кофе едва не убежал; Соня вовремя сдёрнула турку с огня, налила в чашку и прошлась по коридору. Распахнутая дверь кабинета больше не пугала. Она вошла внутрь, остановилась у стеллажа и провела кончиками пальцев по корешкам книг, пока не нащупала тонкий твёрдый переплёт — свою первую повесть, вышедшую за полгода до того последнего марта.

Вытянула её с полки, раскрыла на первой странице. Короткая строка курсивом: «А.С. — всё остальное неважно».

Вчера Рэм сказал, что читал эту книгу ещё три года назад — Андрей сам приносил её в студию, и тот забрал её на выходные. От этой мысли до сих пор оставалось странное, двоякое чувство: будто чужой тогда человек ненадолго держал в руках часть их общей жизни, о которой сама Соня не подозревала. И он же вчера смотрел на неё поверх остывающего супа и говорил спокойно, не отводя глаз: «Не самое приятное ощущение — сидеть напротив человека, которому не терпится уйти туда, где тебя ещё не существовало».

Соня захлопнула книгу и поставила её обратно на полку, чуть сильнее, чем нужно.

Ей стало неловко — и тут же досадно на саму себя. Всего три дня назад она знала точно, кто перед ней сидит и почему между ними пролегла черта, которую нельзя переступать. А сегодня утром она стояла посреди кабинета, держала чашку остывшего кофе и ловила себя на том, что боится

обидеть Рэма своим решением. Будто согласиться с ним и не открывать первый год значило бы тихо, без спора признать его правоту — и шагнуть в этот холодный ноябрь, оставив Андрея там, в запылённом ящике с некупленными билетами и усталой весенней перепиской.

Нет. Если не заглянуть туда сейчас, при ровном дневном свете, этот нетронутый первый год так и будет висеть за запертой дверью — слишком светлый, слишком недоступный, куда более опасный в воображении, чем на экране. Ей не нужен был побег. Ей нужно было самой посмотреть, что там осталось, и самой решить, когда закрыть вкладку.

Она вернулась на кухню. Настенные часы показывали одиннадцать сорок две.

Соня взяла телефон, открыла переписку с Рэмом и пару секунд смотрела на его вчерашнюю сухую строчку. Никаких объяснений, никаких «вы меня не так поняли» — она не обязана отчитываться. Пальцы быстро набрали текст:

«Открывайте первый год. Без голоса, только текст.»

Нажала «отправить» и только после этого почувствовала, как резко и часто забилось сердце — словно она сама толкнула тяжёлую дверь, которую долго подпирала плечом.

Две галочки посинели не сразу — прошла почти минута. Затем на секунду мелькнули точки, пропали и появились снова. Соня ждала хоть чего-то: осторожного «вы уверены?», короткого возражения, попытки напомнить о вчерашнем разговоре.

Но Рэм сдержал слово.

«Хорошо. Займёт около часа, напишу, как будет готово.»

Ни одного лишнего слова. Ни упрёка, ни заботы, ни вопроса.

Соня положила телефон на стол, отошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.. Она добилась ровно того, чего хотела — и всё же внутри, под глухим, лихорадочным ожиданием, вдруг шевельнулась неожиданно острая досада: он действительно не стал её останавливать.

Этот час растянулся, словно стрелки часов над плитой увязли в густом, вязком воздухе.

Чтобы занять руки, Соня вымыла турку, протёрла столешницу, разобрала стопку старых квитанций в прихожей. Потом взяла влажную тряпку и вернулась в кабинет — чтобы аккуратно смахнуть тонкий слой пыли с подоконника. Фотографии у моря не трогала, лишь на мгновение задержала взгляд на прищуренных глазах Андрея. За окном сухой ветер гонял по пустому двору жёлтый обрывок пакета.

Невольно подумала о Рэме. Сейчас он сидит у себя за столом в простом тёмном свитере, перед ним на экране бегут зелёные строчки консоли, и он, как обещал, не открывает ни одного письма. Расшифровывает чужое безоблачное начало, где его нет, лишь потому, что вчера дал ей слово не перечить. От этой мысли под рёбрами снова кольнуло неприятное, непривычное чувство — не вина, но что-то близкое к ней.

Телефон на кухне коротко звякнул — без двенадцати час.

Соня положила тряпку на край раковины, вытерла ладони о полотенце и подошла к столу. Экран высветил одну короткую строку:

«Готово. Первый год подключён, ссылка и код прежние.»

Ни приписки «будьте осторожны», ни просьбы закрыть окно через сорок минут. Ровный, почти служебный тон — Рэм снова переступил ту черту, которую сам же вчера перешёл в шумном бистро.

Соня присела на табурет, придвинула к себе остывшую чашку, хотя пить уже не хотелось. Дневной свет из окна падал прямо на стол — холодный, честный, без ночных теней и иллюзий. Хорошее время, чтобы посмотреть правде в глаза. Она открыла историю браузера и ввела четырёхзначный код.

Белое окно с одинокой буквой «А.» вверху. Курсор мигал ровно, как и вчера, и неделю назад.

Соня подержала пальцы над клавиатурой, внезапно растерявшись. В третьем году она знала, как говорить — там сами собой всплывали старые упрёки и усталые паузы. Во втором она проверяла машину на прочность. А с тем, кто жил в первом году, не хотелось ни проверять, ни защищаться.

«Привет. Занят?» — набрала наконец.

Три точки внизу замелькали почти мгновенно — без той вымотанной задержки, какая бывала в последнем марте.

«Для тебя — никогда. Ну, почти, если редактор мой прямо сейчас не стоит над душой с палкой. Ты где пропадаешь?

Я уже полчаса думаю, куда тебя сегодня вытащить, пока ты не приросла к этому своему ноутбуку.»

У Сони перехватило дыхание.

Не сами слова — интонация. Лёгкая, чуть дурашливая, без тени раздражения и без привычной спешки, от которой в третьем году сводило скулы. Он не отбивался, не обещал «дома посмотрим», не просил не начинать. Он радовался только тому, что она написала.

Она медленно выдохнула, чувствуя, как пальцы против воли теплеют на стекле экрана.

«Никуда не пропадаю. Холодно сегодня очень.»

Ответ пришёл через две секунды — длиннее, свободнее, без сухих точек в конце.

«Тем лучше! Натянешь свой огромный шарф, в котором тебя не видно, пойдём пешком до самого моста, потом замёрзнем как собаки и будем отогреваться горячим сидром где-нибудь в подвале. Только не говори, что опять сидишь и мучаешь одну несчастную страницу с утра.»

Шарф. Старый, грубой вязки, кирпичного цвета — она отдала его в благотворительность два года назад, потому что не могла смотреть на него на вешалке. В памяти мгновенно всплыла та первая их зима, скользкая набережная и ощущение, что впереди бесконечный запас времени, которым можно сорить как угодно.

Вчера вечером она полезла в третий год за откликом — и наткнулась на глухое «я на бегу, вечером посмотрю». Сейчас

пальцы сами набрали те же слова, почти шёпотом проверяя, что вернётся из этой светлой комнаты:

«Я вчера отправила первые три главы повести. Переписала сцену на вокзале.»

Точки бежали чуть дольше — три, четыре секунды.

«Сонька, серьёзно?! Ну наконец-то! Стой, не смей ничего мне сейчас пересказывать в двух словах, я хочу всё с подробностями. Почему на вокзале? Ты же в прошлый раз говорила, что они у тебя в квартире ругаются и никак не могут разойтись. Или ты всё-таки выгнала их на мороз?»

Она смотрела на экран, и в глазах впервые за много месяцев защипало — не от жалости к себе, а от внезапного, нестерпимого узнавания. «Сонька». Во втором году он уже почти не называл её так, а в третьем — ни разу. И это нетерпеливое, жадное внимание к чужим выдуманным героям, с которым он когда-то читал её первые нескладные черновики, споря о каждом слове так, словно от этого зависела их собственная жизнь.

«Выгнала, — написала она, сглатывая ком в горле. — Дома они звучали слишком вежливо. А на перроне героиня в итоге не села в поезд.»

«Вот это по-нашему, — тут же откликнулся экран. — Вежливость в текстах — это вообще смерть. Слушай, распечатай мне эти три главы, а? Не хочу с экрана читать, хочу с карандашом, чтобы потом можно было на полях гадостей написать и поспорить с тобой до двух ночи. Я по дороге за-

хвачу что-нибудь вкусное, только не засиживайся без обеда, ладно? У меня ещё пара часов тут, и я твой.»

«И я твой.»

В тихой, залитой холодным белым светом кухне эти три слова легли так просто и горячо, что Соня невольно прижала ладонь к груди. Сердце стучало быстро и неровно. Вот оно — то самое, о чём вчера без всяких прикрас говорил Рэм. Здесь нечего было исправлять, не за что просить прощения, не нужно было подбирать бережный тон, чтобы выманить ласку. Здесь Андрей ещё не устал, не сорвался, никуда не опаздывал — и смотрел на неё так, словно во всём городе не существовало никого важнее.

Холодный ноябрь за стеклом вдруг отодвинулся куда-то далеко, стал плоским и необязательным, как чужая декорация. Соня подняла взгляд на настенные часы и с лёгким испугом поняла, что совсем не хочет закрывать вкладку — ей хотелось отвечать ещё и ещё, распечатывать листы, спорить до двух ночи, остаться в этом белом окне на всю субботу.

Она не закрыла вкладку. Пальцы сами потянулись к клавиатуре, и через минуту Соня уже сидела, поджав босые ноги на перекладину табурета, совсем забыв про остывший кофе.

«Распечатаю, — написала она. — Только карандашом не чиркай где попало, я потом сама не разберу, что ты там имел в виду.»

Экран отозвался мгновенно, с тем самым азартом, от которого когда-то в их маленькой съёмной квартире никогда

не бывало по-настоящему тихо:

«Договорились, буду писать аккуратно и исключительно по делу. Ну, может, пару восклицательных знаков поставлю там, где твои герои опять решат страдать молча. Слушай, а почему она всё-таки не села в этот поезд? Струсила или назло брату?»

Соня задержала взгляд на вопросе. Во втором году Андрей обсуждал её тексты уже спокойнее, привычно, а в третьем на них не оставалось вечеров. А здесь он спрашивал так жадно, словно действительно собирался через два часа переступить порог с бумажным пакетом в руках и спорить с ней до ночи.

Она ответила не сразу — впервые за всё время в этом окне не подбирая фраз, а говоря то, из чего на самом деле выросли последние двое суток работы:

«Не назло. Просто в последний момент поняла, что уезжать нужно, когда внутри ещё есть с чем уезжать. А она слишком долго ждала, пока всё само наладится, и в итоге осталась с пустыми руками на перроне.»

Пауза перед ответом длилась секунды три. Соня смотрела в белое поле, почти физически ожидая той тихой, понимающей паузы, какая бывает, когда собеседник вдруг перестаёт шутить.

«Ой, ну вот опять ты напустила ноябрьского мраку! — всплыли на экране ровные чёрные строчки. — Знаю я эти твои приступы трагизма, когда три дня не вылезаешь из

квартиры. Всё, завязывай с этим перроном. Никуда твоя героиня не денется — продышится, возьмёт кофе в буфете и спокойно сядет на следующий поезд, делов-то. А тебя я сегодня точно утащу в кино на самую дурацкую комедию, чтобы выбить эту пыль из головы.»

Соня медленно опустила локти на стол. Улыбка, которую она сама не заметила на своём лице минуту назад, тут же сошла.

В первый год Андрей действительно так её тормошил — сбивал любую её хандру смехом и ужином вдвоём, потому что тогда любая печаль и впрямь лечилась горячим сидром и глупым фильмом на заднем ряду. Они ещё ничего не теряли и не знали, каково это — стоять на месте, когда двери уже закрылись.

«Следующего поезда не будет, — набрала она тихо, уже понимая, что делает глупость. — Она это знает.»

Ответ пришёл почти сразу — такой же тёплый, ласковый и совершенно невесомый:

«Тогда тем более надо срочно спасать автора. Ты хоть обедала сегодня? Всё, не спорь, через час выезжаю, пожарим картошку и будем разбирать твои три главы, пока ты не сдашься. И не смей грустить без меня, слышишь?»

Соня долго смотрела на эти строчки. В груди не было ни злости, как после третьего года, ни испуга, как в первый вечер со вторым. Пришла другая, куда более тяжёлая ясность.

Там, за белым стеклом, её никто не обижал и никто от

неё не отмахивался. Напротив — её любили легко, щедро, без усталости и оговорок. Только любили там другую Соню: прежнюю, целую, в старом кирпичном шарфе, у которой впереди ещё была вся жизнь и чьи грустные финалы всегда можно было перебить шуткой про картошку. А сегодняшней Соне — с тремя годами тишины за плечами, с этой новой, выстраданной рукописью — в этой светлой комнате просто не было места. Она сама уже не помещалась в то беспечное счастье, и сколько бы ни сидела здесь, человек из первого года никогда не услышит, о чём она на самом деле говорит.

В отличие от того, кто вчера вечером за тесным столиком в бистро понял сцену на вокзале с полуслова.

Соня вздрогнула от этой мысли и наконец оторвала глаза от экрана.

За окном уже сгустились плотные синие сумерки; в доме напротив зажглись жёлтые квадраты чужих окон. Настенные часы над плитой показывали без десяти четыре. Почти три часа ушли в никуда — она сидела на табурете в остывшей темноте, в одном лишь холодном белом свете телефона, с затёкшими плечами и онемевшими ступнями.

Она смахнула вкладку браузера. Экран погас, и кухня в ту же секунду сомкнулась вокруг неё — глухая, тёмная и ледяная. Возвращаться сюда из той светлой комнаты оказалось именно таким, как и говорил Рэм: не в десять раз тяжелее — просто невыносимо.

Соня встала, нащупала у двери выключатель. Резкий

верхний свет ударил по глазам, высветив невымытую чашку, пустой стол и распахнутую дверь в тёмный коридор. Телефон в её ладони оставался мёртвым — ни одного звонка, ни одного осторожного вопроса. Рэм сдержал слово до конца: открыл дверь и отошёл в сторону, не смея заглядывать внутрь.

Она прислонилась спиной к косяку, разблокировала экран и открыла их переписку. Над пустой строкой ввода всё так же висело его сухое полуденное «Готово. Первый год подключён, ссылка и код прежние».

Соня постояла секунду, слушая ровный гул холодильника, и набрала коротко, без предисловий:

«Я закрыла первый год. Вы были правы.»

Две галочки посинели почти сразу. Внизу мелькнули бегущие точки — но совсем не так, как в белом окне браузера: сбивчиво, с паузой, будто человек набирал фразу, стирал её и начинал заново.

«Мне не хотелось оказаться правым, Соня. Как вы?»

Ни торжества, ни дежурного «я же предупреждал». Соня медленно выдохнула, опустилась на табурет и прижала к себе остывшую чашку — просто чтобы чем-то занять обледеневшие пальцы.

«Паршиво, — честно набрала она. — Там всё слишком цело. Он зовёт в кино и просит распечатать главы, чтобы править с карандашом, а я три часа просидела в темноте, пока не поняла, что мне сегодняшней в той комнате нет места.»

Она отправила сообщение и положила телефон на стол. Экран едва погас, как аппарат коротко завибрировал — входящий звонок.

Соня на мгновение задержала руку над зелёной кнопкой, потом ответила и прижала телефон к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.